

Псы Вавилона

Автор:

Алексей Атеев

Псы Вавилона

Алексей Григорьевич Атеев

В небольшом уральском городе начинает происходить что-то непонятное. При загадочных обстоятельствах умирает малолетний Ваня Скворцов, и ходят зловещие слухи, что будто бы он выбирается по ночам из могилы и пугает запоздалых прохожих. Начинают бесследно исчезать люди, причем не только рядовые граждане, но и блюстители порядка. Появление в городе ученого-археолога Николая Всесвятского, который, якобы, знает с нечистой силой, порождает неясные толки о покойниках-кровососах и каком-то всемогущем Хозяине, способном извести под корень все городское население. Кто он, этот Хозяин? Маньяк, убийца или чья-то глупая мистификация? Американец Джон Смит, работающий в России по контракту, как истинный материалист, не верит ни в какую мистику, считая все это порождением нелепых истории о графе Дракуле. Но в жизни всегда есть место кошмару. И когда он наступает, многое в представлении Джона и ему подобных скептиков может перевернуться с ног на голову...

Алексей Григорьевич Атеев

Псы Вавилона

Посвящаю своим предкам, похороненным на магнитогорской земле

...Но если он скажет: «Солги», —

солги.

Но если он скажет: «Убей», —

убей.

Эдуард БАГРИЦКИЙ

«ТВС»

ПРОЛОГ

Прикаспийские степи, район хутора

Мертвячья балка

1917 год, июнь

Наступил вечер. Зной понемногу ослабевал. С далекой Волги потянуло прохладным ветерком. Вслед за ним в розовеющих небесах показалась громадная стая ворон. Хрипло крича, они медленно тянулись навстречу ветру, то разлетаясь, словно хлопья пепла, то снова смыкаясь в черный крутящийся вихрь.

В небольшом заросшем боярышником и шиповником овражке, на крохотной поляне стояла просторная парусиновая палатка, возле которой теплился костерок.

Над огнем в подвешенном к металлической треноге котелке булькало какое-то варево. У костра на толстых кусках войлочной кошмы лежали двое: мужчина лет тридцати пяти, по самые глаза заросший светлой курчавой бородой, и юноша, даже мальчик, тоже светловолосый и кудрявый. На первый взгляд их можно было принять за братьев, но при ближайшем рассмотрении становилось ясно, что они даже не дальние родственники. Мужчина был круглолиц, курнос, широк в плечах и дороден. Цвет глаз имел ярко-голубой, а волосы темно-медового оттенка. Юноша, напротив, выглядел довольно субтильно. Худощавое

телосложение, узкое, вытянутое лицо, серые глаза, пепельные локоны в сочетании с пухлыми губами – словом, типичный романтический герой, нечто вроде значительно помолодевшего поэта Александра Блока.

Кстати, его тоже звали Сашей. Пятнадцатилетний гимназист прибыл в эту глухомань исключительно по своей воле, хотя его отец, довольно известный петербургский, ныне петроградский, юрист, присяжный поверенный, был чрезвычайно рад тому обстоятельству, что сын покинул бурлящий город, наводненный толпами полуголодных люмпенов и распоясавшейся солдатни. Саша, в последнее время не на шутку увлекшийся историей, мечтал побывать в настоящей археологической экспедиции. Возможность представилась. Протекцию составил знакомый университетский профессор. Правда, присяжный поверенный недоумевал, какой чудак в столь бурное время может копаться в земле в поисках никому не нужных черепков, но профессор уверял, что руководитель экспедиции, адъютант[1 - Младшая научная должность в некоторых научных учреждениях.] Николай Николаевич Всесвятский – человек, возможно, несколько не от мира сего, но исключительно преданный науке, хотя и в ущерб собственной карьере. По полгода, а то и больше проводит в поле, а остальное время в библиотеках. Какая уж тут диссертация, сокрушался ученый муж, а ведь светлая голова! Но добрейшая личность; мальчик при нем будет как за каменной стеной. Было написано рекомендательное письмо, и Саша отправился в неведомые края.

Поначалу все шло хорошо: удобное купе, приятные попутчики, даже легкий флирт с гимназисткой из Астрахани, но вскоре вместо спального вагона он очутился на ветхих скрипучих дрожках, которыми управлял здоровенный молчаливый извозчик. Он за три целковых согласился доставить Сашу до хутора Мертвячья балка, неподалеку от которого расположилась экспедиция.

Целый день ехали по пустынной, раскаленной степи, рождавшей ощущение полной обреченности. Расплавленные потоки жара лились с белесого неба на голову путешественника, прикрытую кокетливой соломенной шляпой. Бутылка ситро, купленная в вагоне-ресторане, была опустошена еще рядом со станцией. Саша лихо бросил ее в заросли чертополоха, однако извозчик остановил дрожки, подобрал бутылку и молча сунул ее под козлы. Пить захотелось почти сразу же. Некоторое время Саша терпел, потом, просительно глядя в широченную спину извозчика, робко поинтересовался: скоро ли будет колодец? Не говоря ни слова, извозчик остановил свою колымагу, извлек из-под козел полуведерный дубовый бочонок, нацедил в бутылку мутного кваса и протянул ее Саше. Квас оказался

теплым, пах рогожей, а от кислоты ломило зубы, но жажду он утолял.

Часа через три въехали в деревню, где, кроме валявшихся под заборами собак с высунутыми языками, не видно было ни единого живого существа. На появление дрожек собаки не прореагировали. Кучер напоил у колодца лошадь, напился и пассажир, отметив, что вода солоновата на вкус. Тут же у колодца перекусили: Саша колбасой и булкой, извозчик куском ржаного хлеба и хрустящими перьями зеленого лука. И тот и другой запили трапезу все тем же квасом. И снова дрожки затряслись по ухабам пыльного шляха. Все это оказалось так непохоже на столь долго ожидаемое приключение, что Саша затосковал. Впереди, как он понял, не предвиделось ничего, кроме жары и скуки. Подбадривая себя мыслями о том, что Стэнли тоже приходилось нелегко, когда он отправился на поиски Ливингстона, Саша безучастно взирал на безжизненные пейзажи. От кваса во рту возник такой вкус, словно он всю дорогу сосал медную копейку. Вдобавок разболелась голова.

Наконец возница неожиданно зычно воскликнул: «Приехали!» – и махнул кнутом в сторону нескольких беленых изб, одиноко стоящих посреди степи. Десяток пирамидальных тополей высились над соломенными крышами, рождая надежду на долгожданную тень.

– Куда же дальше? – растерянно спросил Саша.

– Не знаю, барин, – равнодушно отозвался извозчик. – Вам видней. Договаривались до Мертвячьей балки. Вот она самая Мертвячья и есть.

– А экспедиция? – чуть не плача, произнес Саша. – Мне нужно в экспедицию!

– Да не журитесь, – успокаивающе произнес извозчик. – Зараз все выведем.

Снова колодец. Заскрипел журавль, бадья ухнула в мерцающую глубину. На сей раз вода оказалась замечательной, и противный вкус во рту тут же исчез. Саша повеселел. Кучер кликнул слонявшегося поблизости без дела белоголового мальчика, и Саша спросил у него про экспедицию. Малец вначале не понял, что от него требуется. Саша несколько раз повторил слово «экспедиция» с добавлением «археологическая», но результат оказался все тот же. Наконец Саша догадался назвать имя и фамилию начальника.

– Ага!.. – воскликнул смышленный малютка. – Который мертвяков выкапывает. Дядя Коля... Конечно, знаю. – Он уселся на козлы рядом с кучером и принялся энергично показывать дорогу.

Не прошло и получаса, как дрожки остановились возле вышеописанного оврага. Навстречу вышел крепкий широкоплечий человек, по мнению Саши, нисколько не напоминавший ученого. Скорее он походил на родственника кучера: всклокоченная борода, рубаха распояской, соломенный бриль на голове, на ногах непонятная обувь, отдаленно напоминавшая сандалии. Подозревая ошибку, Саша с тревогой взглянул на неизвестного и неуверенно поздоровался.

– Вы, наверное, Александр? – в ответ поинтересовался странный археолог. – Только вчера получил письмо на ваш счет. Очень рад. Помощник мне нужен.

– А где же экспедиция, лагерь?..

– Да вот же, – произнес человек, указывая на палатку. – Конечно, вида никакого, – не то оправдываясь, не то иронизируя, заметил он. – Спешивайтесь, мой друг.

Саша последовал совету, вручил кучеру три рубля и, чуть подумав, прибавил двугривенный, а мальчишке дал пятак. Кучер кивнул, малютка, сплюнув, тихо произнес: «Храни вас господь», и дрожки покатали прочь. Саша остался стоять посреди раскаленной степи.

– Пойдемте, – позвал его археолог. – Вы, наверное, устали с дороги, умойтесь, отдохните. – Он подвел Сашу к небольшому, обложенному камнями бочагу у подножия холма, дававшему начало крошечному ручейку. Бочаг наполнялся водой, сочившейся из родника. Саша плеснул в лицо несколько горстей прохладной влаги. Ощущение свежести вернулось к нему. Кусты шиповника, усеянные крупными алыми и белыми цветами, аромат розового сада, смешанный с горьковатым запахом степных трав, шелест осоки возле бочага – казалось, он когда-то уже обонял и созерцал это великолепие. В повисшей на реснице капле преломилось заходящее солнце, и мир на мгновение вспыхнул изумрудно-зеленым огнем. Усталость и апатия тут же исчезли, родилось совершенно неожиданное ощущение покоя.

Минула неделя, но Саше казалось – прошла целая вечность. С утра, наскоро перекусив вместе с Николаем Николаевичем, отправлялись на раскопки. Саша с первой минуты понял: ни древних замков, ни белораморных дворцов в здешней степи никогда не было, да и быть не могло, так что новую Трою вряд ли удастся откопать. Однако действительность оказалась еще прозаичнее. Раскопки представляли собой несколько ям разных размеров и конфигураций, находящихся друг от друга на довольно значительном расстоянии. Первые несколько дней Всесвятский даже не рассказывал, что конкретно он ищет, а спрашивать Саша стеснялся. Зато археолог много времени уделял чисто технической стороне раскопок: учил правильно держать лопату (к своему стыду, Саша вовсе не умел обращаться с шанцевым инструментом), со вниманием относиться к находкам, даже если они похожи на обыкновенные булыжники. «Главное, не спешить, – постоянно повторял Николай Николаевич. – Нашел что-нибудь, остановись, внимательно огляди находку, обмахни ее кисточкой, позови меня...» Но пока что ничего существенного Саше найти не удалось. Вообще-то он очень сомневался в подобной возможности. Большая часть ям оказалась вообще пуста, и лишь в одной находилось древнее захоронение. Это был плохо сохранившийся скелет, по словам Николая Николаевича, принадлежавший молодому мужчине. Поза, в которой был похоронен древний человек, казалась Саше довольно странной. Скелет лежал на боку, но не прямо, а скрючившись, причем ладонь правой руки, вернее – ее кости прикрывали череп. В могиле, кроме костей, находилось два простеньких глиняных кувшина и несколько позеленевших бляшек, не то медных, не то бронзовых.

На вопрос Саши, кто же здесь похоронен, Всесвятский неопределенно пожал плечами и сказал, что, судя по бляшкам – остаткам конской уздечки, возможно, воин, живший в начале первого тысячелетия. Односложный ответ несколько удивил Сашу и отбил охоту расспрашивать дальше. Вообще, первое впечатление о Всесвятском как о довольно странном человеке отнюдь не рассеялось, а, напротив, только усилилось. Для начала, он оказался неразговорчивым, вернее, не рассказчиком. В первый же вечер у костра Саша ждал захватывающего повествования о тайнах древних цивилизаций, о несметных сокровищах, погребенных под этой землей. Однако Николай Николаевич если и говорил, то только о самых обыденных вещах, например, о пользе козьего молока, которое приносила с хутора старая казачка, жалел, что пока еще не вызрели арбузы, или восхищался сообразительностью Васьки, того самого мальчонки, который проводил Сашу до раскопок. Васька постоянно вертелся под ногами, и Николай Николаевич между делом обучал его таблице умножения. И только сегодня, в первый раз за все время пребывания в этом месте с жутковатым названием Мертвячья балка, они наконец потолковали, что называется, по душам.

Итак, они лежали на толстых кусках кошмы, отдыхая после ужина.

Готовил ужин Николай Николаевич. Из гречки, сала, картошки и лука он смастерил некое кушанье, которое называл «кулеш», блюдо достаточно сытное, но, на вкус Саши, довольно пресное. Кулеш да крепчайший чай дегтярного цвета, кипятившийся с утра в огромном жестяном чайнике, который потом археологи захватывали с собой на раскопки, составляли ежедневное меню. Впрочем, однообразие пищи не волновало Сашу, поскольку при такой жаре есть практически не хотелось.

– Интересно, откуда они летят? – спросил юноша, указывая на пронесившихся в небе ворон.

– Из степи, естественно, – отозвался Всесвятский. – Там падали полно, вот они и жируют. Мчатся словно черная туча. Когда-то вот так же неслись через эти места тучи кочевников, считая все на своем пути.

– Куда?

Николай Николаевич неопределенно махнул рукой за спину:

– В Европу...

– «Сколько их! Куда их гонят? Что так жалобно поют?» – процитировал Саша.

– Вот-вот. Тебе, наверное, здесь ужасно скучно? – неожиданно сменил тему Всесвятский.

– Напротив, очень даже интересно.

Археолог засмеялся:

– Чего уж тут интересного.

– Но вам же здесь нравится, раз вы не первый год копаете в здешних местах.

– Это моя профессия.

– Многие историки, насколько я знаю, очень редко покидают университетские аудитории Москвы и Питера, однако это не мешает им процветать. Взять хотя бы Павла Николаевича Милюкова[2 - П. Н. Милюков (1859–1943), русский историк и политический деятель. Лидер партии кадетов. Министр иностранных дел во Временном правительстве, 1917 г.]...

– Тут ты не прав. Милюков – весьма значительная фигура в русской исторической науке, к тому же он в свое время активно занимался археологией. Раскапывал, например, городище Старой Рязани. Кроме того, у него другая стезя – политика. Но господин он весьма основательный, как в науке, так и на иных поприщах. Увы, твой пример неудачный, хотя, конечно, хватает и тех, о которых ты завел разговор. Но я занимаюсь тем, что меня интересует, а вот к карьере отношусь равнодушно. Семьи у меня нет, родители давно померли, следовательно, никаких моральных обязательств ни перед кем не несу. Я, понимаешь ли, свободен. А это для меня главное. Конечно, ты можешь возразить: а как же долг перед родиной, тем более в столь грозный час? Но я не военный. Ни ружья, ни сабли отродясь в руках не держал. А мои занятия, возможно, тоже немаловажны для России.

– Так что вы все-таки ищете?

– Что ищу? – Всесвятский несколько минут молчал, и Саше даже показалось, что археолог заснул. – Рассказывать долго... Да и не поверишь...

– А вы все-таки попробуйте, – попросил заинтригованный Саша.

– Ты, конечно, знаешь про великое переселение народов. А не задумывался: чем оно вызвано?

– Тут и задумываться не о чем. В учебниках истории все написано. Из глубин Азии двигались племена гуннов. Они давили на германские и иные племена, те, в свою очередь, с берегов Дона, Вислы и Дуная двинулись в глубь Европы, стали нападать на Римскую империю... ну и так далее. Общеизвестно.

– Довольно примитивно, но допустим... А почему эти самые гунны не сидели на месте, а стремились вперед?

– Тоже легко поддается объяснению. Гунны – пастухи. Как только пастбища переставали кормить их скот, они кочевали дальше. Вы это не хуже меня знаете.

– То есть получается: одни давят на других, другие на следующих?.. Принцип домино.

– Примерно так.

– Но почему германские племена не сопротивлялись кочевникам, а предпочитали сражаться с римлянами? Ведь римляне в те времена имели регулярную, хорошо обученную и боеспособную армию.

– Возможно, справиться с кочевниками для них казалось намного сложнее. Ведь гунны в конце концов тоже ворвались в Европу и покорили ее почти полностью, хотя и ненадолго.

– Хорошо, примем к сведению. А нынешняя ситуация? Ее ты как можешь объяснить?

– Не совсем понимаю, что вы имеете в виду?

– Четвертый год идет война. В нее вовлечены десятки стран. На полях сражений ежедневно погибают сотни, нет, тысячи людей. Какова причина?

Саша приподнялся на локте и недоуменно посмотрел на собеседника.

– То есть как?! Неужели вы не знаете?! Да полно. Вы же газеты читаете. Вон я видел у вас «Русское слово». Вы им костер растапливали.

– Газеты я, конечно, просматриваю и, как говорится, в курсе событий. Но, прикинься я незнайкой, ты бы принялся рассказывать мне о Сараеве, об убийстве эрцгерцога Фердинанда, о коварном ударе в спину маленькой Сербии...

– Естественно.

– Но ведь это не причина, а повод.

– Согласен, а причина в противоречиях между крупными странами, пытающимися переделить мир по-новому. Так папа говорит. Взять Германию. Население – крупнейшее в Европе, а природные ресурсы довольно скудные. Колоний опять же стоящих не имеется. Вот они и воюют. – Саша в общем-то почти не интересовался политикой, однако часто присутствовал при жарких спорах, которые вел отец со своими знакомыми, в основном коллегами-юристами, собиравшимися у них в доме. Поэтому он довольно связно мог растолковать ту или иную политическую ситуацию.

– Объяснения весьма доходчивы. Ты случайно не социал-демократ?

Саша насупился, почувствовав насмешку.

– Едем дальше, – не обращая внимания на реакцию юноши, продолжал Всесвятский. – Чем ты можешь объяснить то, что происходит сегодня в стране? Февральские события, нынешние волнения в больших городах?

– В первую очередь неудачами в войне. Позор, который переживает Россия на фронтах, отражается на настроениях населения, – бойко начал Саша, слово в слово повторяя речи отца, – к тому же отсутствие воли к власти у последнего монарха, разложение двора – все эти Распутины, Вырубовы, Митьки Рубинштейны – привели к полной деградации правящей верхушки и параличу власти. В результате последовало крушение самодержавия.

– Резонно. Ну а дальше что? Каким ты видишь будущее России?

– Я думаю, что все зависит от исхода военных действий. В ближайшее время в войне должен наступить перелом. Естественно – в нашу пользу. Александр Федорович Керенский, кстати, хороший знакомый моего батюшки, провозгласил войну до победного конца. Освобожденный от оков царизма народ, по крайней мере лучшая его часть, с воодушевлением воспринял призыв демократического руководства страны. На Западном фронте Германия терпит поражение за поражением...

– Ой ли? – хмыкнул Николай Николаевич.

– Во всяком случае, в войне наметился перевес в пользу Антанты. Словом, Германия окажется разгромленной, а вдохновленный победой русский народ станет строить новое, демократическое общество, без царя и его прихвостней.

– Бойко излагаешь. Ну а если нет? Если у Керенского ничего не получится? Наступление сорвется, как уже случалось не один раз. Народ не будет строить демократическое общество, а, оставшись у разбитого корыта, начнет вдохновенно бунтовать. Как тогда?

Саша смущенно молчал, не находя возражений. Наконец он вымолвил:

– Но почему вы думаете, что события должны развиваться именно так, как предсказываете вы?

– Да потому, что если за четыре года не смогли переломить ход войны, то почему именно сейчас, когда силы явно на исходе, случится чудо?

– Силы на исходе не только у нас. Германия воюет на два фронта. Вот-вот в войну вступят американцы...

– Но народ устал воевать. Далеко ходить не надо – в Мертвячьей балке, куда уж глухомань, мужиков вовсе не осталось, все на фронтах. Хозяйства рушатся, я тут не один сезон копаю, вижу, что было и что стало. На фронте за четыре года поражений солдат озлобился, да и власть нынче уже не та. Плюнет он на отцов-командиров, да и повернет штык в обратную сторону.

Разговор, который завел Николай Николаевич, показался Саше бессмысленным. Возможно, Всесвятский и прав, но какое это имеет отношение к археологии? Поэтому юноша не стал продолжать беседу, а откинулся на кошму и уставился в быстро темнеющее небо, на котором уже появились первые бледные звездочки. Не встречая возражений, замолчал и археолог. Он поднялся со своего ложа, подкинул в костер несколько лепешек сухого кизяка, потом достал из кожаного портсигара папиросу и закурил.

– Понимаешь ли, дорогой Саша, – после паузы неожиданно начал он, – эта моя болтовня насчет грядущих событий просто попытка собраться с мыслями. То, о чем я хочу тебе рассказать, на первый взгляд кажется невероятным. Откровенно говоря, до сих пор я ни с кем не делился своими соображениями, ты, так сказать,

будешь первым. Мне просто необходимо выговориться. Так вот. Сколько себя помню, меня постоянно мучил вопрос – что движет человечеством, что влияет на прогресс: ускоряет его или, напротив, замедляет? Возможно, пытаюсь его разрешить, я и стал историком. Так что же? Бог? Я происхожу из рода священнослужителей, однако с верой у меня не все в порядке. Не то чтобы я атеист, допускаю: существует некая высшая сила, но сомневаюсь, что она управляет человеческими судьбами. Если господь именно такой, каким представляют нам его служители, – добрый, милосердный, всепрощающий, – то почему в мире столько несправедливости, горя, страданий? Миром правят политики? Допускаю. Экономические отношения? Несомненно. Однако как объяснить тот факт, что время от времени в обществе случаются совершенно неподвластные логике события – войны, кризисы, смуты? Только ли просчетами политиков или неумением рачительно вести государственное хозяйство? Да, действительно, определенные катаклизмы несложно объяснить... или как будто объяснить. Но большинство исторических процессов не поддается логике...

Всесвятский сделал паузу, бросил догоревший окурок в костер и тут же прикурил новую папиросу. Было заметно, что он волнуется.

– Понимаешь, я много размышлял на данную тему, и вот что мне пришло в голову. В определенные моменты истории как бы пробуждаются некие силы, которые вносят в социум хаос. Проще говоря, мутят воду.

– Что же это за силы? – с интересом спросил Саша. – Уж не масоны ли?

– Какие там масоны! Силы эти действовали за тысячи лет до масонов. Хотя, возможно, и масонов породили. За всем, что вносит в общество разброд, стоят именно они. Дьявольский промысел.

– Вы же говорили: не верите в бога. А раз так...

– Я не сказал, что не верю. Но дьявол в данном случае всего лишь абстрактный символ зла.

«Похоже, этот человек ненормален, – тревожно подумал Саша, – торчит здесь как сич, один-одинешенек, так недолго и сбрендить. Жара, черепки, кости и одиночество».

Хотя на первый взгляд Николай Николаевич не производил впечатления сумасшедшего, однако мало ли какие выверты могут скрываться в почти незнакомом человеке. То все время молчал, а тут вдруг разговорился! Не странно ли? В воображении Саши вдруг возникла следующая картина – этот крупный, весьма сильный человек, в чем Саша уже не раз убеждался, гоняется за ним с топором по степи. Юноша привстал и пошарил глазами по сторонам, ища подходящее оружие. Взгляд наткнулся на лопату – при необходимости можно без труда дотянуться до нее.

– Представь себе, – между тем продолжал Всесвятский, – в назначенный час, словно адская машина, пробуждается нечто и начинает свою разрушительную работу.

– Естественно, в фигуральном смысле?

– Отнюдь нет! В самом прямом!

«Точно, сбрендил», – понял Саша. Ему стало по-настоящему страшно.

– Понимаешь ли, копаю я здесь довольно давно, и мне удалось кое-что найти... кое-что... – Всесвятский запнулся, словно подбирал подходящие слова.

– А именно? – Саша где-то слышал, что с сумасшедшими следует разговаривать весьма осторожно, ни в коем случае им не перечить, но и не отмалчиваться.

– В двух словах не расскажешь, нужно увидеть.

– Так покажите.

– Возможно, завтра. Уже темно.

«Сослался на темноту, – подумал про себя Саша, – значит, нужно куда-то идти, а, следовательно, то, что он хочет продемонстрировать, достаточно объемно. Может, Николай Николаевич действительно нашел нечто необычное?» Теперь в Саше проснулось любопытство, а страх улетучился так же быстро, как и появился. «И никакой он не сумасшедший, а просто неординарная личность, а подобные люди всегда как бы не от мира сего. Что же он все-таки нашел?»

Саша был заинтригован.

Любознательство, подстегиваемое разыгравшимся воображением, ночным сумраком, таинственными речами этого непонятного человека, не давало покоя.

– А может, все-таки сейчас? – просительно произнес он.

Николай Николаевич вздохнул, возможно, жалея о начатом разговоре.

– Идти далековато, да и в такое время там делать нечего. Ночь на дворе, а ночью всякая нечисть по земле начинает бродить, – несколько невнятно обосновал он свой отказ.

– Какая нечисть? – недоуменно спросил Саша.

– Разная, – уклончиво отвечивал археолог. – Давай-ка укладываться.

В палатке было душно, и Саша отправился спать на улицу. Он долго не мог уснуть, смотрел на чуть светлеющее небо, размышлял... Видимо, сказывалось возбуждение, вызванное разговором с археологом. Значит, его поиски увенчались успехом? Покажет ли он Саше свое открытие? По логике – обязательно, иначе не завел бы разговор. Но почему так долго молчал? Возможно, приглядывался. Как бы там ни было, впереди его ждет нечто весьма интересное. Постепенно мысли смешались, осталось только чуть слышное, но неумолчное дыхание ночной степи: шорох трав под легким ветерком, цвирканье кузнечиков, шепоты и вздохи, издаваемые неведом кем. Саша забылся в беспокойном, наполненном странными видениями полусне-полубреде. Древние могильники, черепа и глиняные черепки, скачущие на конях полуобнаженные амазонки и некий карлик-волшебник с лицом хуторского мальчика Васьки, указывающий путь к несметным сокровищам...

Саша пробудился с тяжелой головой и, открыв глаза, обнаружил: погода соответствует его настроению. Обычно безоблачное небо заволкло тучами, неизбежная жара трансформировалась в духоту, даже постоянный ветерок куда-то исчез. Стояло полное безветрие.

Возле костра возился с завтраком Николай Николаевич. Он бросил взгляд на Сашу:

– Вставай, соня.

Умываясь, юноша вспомнил о вчерашнем разговоре, и тотчас сонная одурь слетела с него. Пока доедали остатки вчерашнего кулеша, пили «дегтярный» чай, Саша не произнес ни слова, опасаясь неловким вопросом вызвать раздражение Николая Николаевича. Молчал и археолог, лишь один раз внимательно посмотрел на юношу, видимо, что-то обдумывая.

– Как спалось? – неожиданно вымолвил он.

– Не очень чтобы. Ужасный сумбур снился.

– Возможно, к смене погоды. Хотя ты зря спал на открытом воздухе. Недолго простудиться, а то и лихорадку подхватить. А может, давешняя беседа подействовала? Разожгла, так сказать, воображение?

Саша пожал плечами.

– Чего молчишь? Опасаешься – передумаю? Нет, брат! Коли уж пообещал, покажу, обязательно покажу. Сей момент и отправимся. Я только мальчонку этого, Ваську, опасаюсь. Уж больно шустер. Как мышь юрок. А уж как любопытен... Его нужно остерегаться. Увидит – на хуторе разболтает, а нам это ни к чему.

– Мальчика пока не наблюдается, – заметил Саша.

– Вот и хорошо. Тогда немедленно отправляемся.

Саша потянулся за ставшею привычной лопатой, но Николай Николаевич свой шанцевый инструмент почему-то не взял, а вместо этого сунул в холщовую суму моток толстой веревки и керосиновую лампу. Еще он прихватил бутыл с водой из родника и несколько кукурузных лепешек, заменявших им хлеб.

Тот факт, что археолог взял с собой «летучую мышь», еще больше возбудил Сашу. Значит, придется лезть в некое подземелье. Грандиозно! Как раз чего-либо подобного он так долго и ждал.

Археолог призывно махнул рукой, и они двинулись. Время от времени Николай Николаевич беспокойно оглядывался, видно, опасаясь обнаружить крадущегося по пятам шустрого Ваську. Погода между тем испортилась окончательно. Начал накрапывать мелкий дождик. Было сумрачно и тихо.

Исследователи шагали по первозданной степи, в которой не существует не только дорог, но и тропинок. По пути попалась гряда невысоких круглых холмов, которые Саша принял за курганы, однако Николай Николаевич объяснил, что холмы естественного происхождения и называются бэровскими буграми.

– Настоящие курганы в здешних местах тоже встречаются, – сообщил он, – но в основном представляют собой не захоронения, а разрушенные или заброшенные городища. Они, как правило, хазарских и ордынских времен. За несколько лет я тут все окрестности обследовал, каждый клочок земли, можно сказать, руками ощупал.

Саша окинул взглядом унылый пейзаж и мысленно усомнился в словах археолога. Он все больше начинал подозревать, что никаких открытий в здешних местах нет и быть не может, а сам Николай Николаевич слегка свихнулся на своей археологии. Вот и сейчас он, видимо, желает продемонстрировать очередные древние кости, с его точки зрения представляющие невероятную научную ценность. Впрочем, не стоит торопиться с выводами...

Они шли где-то около часа. Наконец археолог замедлил ход и обернулся.

– Уже скоро, – сообщил он, словно извиняясь за долгий путь.

Через минуту они оказались перед балкой, очень похожей на ту, в которой был разбит их лагерь. Это был небольшой, заросший кустарником овраг, образовавшийся у подножия плоского, как бы оплывшего холма. Николай Николаевич сразу полез в гущу кустарника, и Саша последовал за ним. Кусты расступились, и они очутились на крохотной полянке перед глинистым обрывом, в котором зияло отверстие лаза.

– Дромос, – сообщил Всесвятский. Потом, поймав недоуменный взгляд Саши, пояснил: – Вход в погребение.

– А кто здесь похоронен? – с интересом спросил юноша.

– Увидишь.

– Он что же, столько лет оставался открытым? – спросил Саша, имея в виду вход.

– Вообще-то я его раскопал, – сообщил археолог, – но и до меня тут побывали. Грабители курганов. Между прочим, оставили следы своей деятельности. Вот видишь камень? – Археолог ткнул пальцем в валявшуюся неподалеку массивную плиту. – Он прикрывал вход. Они, чтобы попасть вовнутрь, отвалили его...

– И похитили содержимое, – догадался Саша.

– Не совсем, – загадочно заметил археолог. – Сейчас все узрешь сам. – Он достал из сумы керосиновую лампу, зажег ее и направился ко входу. – Придется передвигаться на четвереньках, – обернулся он к Саше, – и крайне осторожно. Если застрянешь, не дергайся. Остановись и позови меня. Впрочем, ход достаточно короткий.

Заинтригованный Саша вслед за археологом протиснулся в узкий лаз и, перебирая коленями и ладонями, стал медленно двигаться вперед. Стены лаза, выложенные из неровного камня-плитняка, своими острыми краями время от времени больно врезались в руки и плечи, хотя на юноше и была грубая холщовая блуза. Воздух в подземелье оказался вовсе не затхлым, а самым обыкновенным, словно оно хорошо вентилировалось. Ход скоро кончился, и Саша вслед за Николаем Николаевичем очутился в некоем помещении, размеры которого из-за почти полной темноты определить было невозможно.

Всесвятский подкрутил фитиль лампы, затем высоко поднял ее над головой, и Саша увидел, что находится в совсем небольшой комнате аршинов[3 - Аршин – прежняя, до введения метрической системы, русская мера длины, равная 0,71 м.] десять-двенадцать в длину и примерно столько же в ширину. Тусклый колеблющийся свет лампы вырывал из мрака сооружение вроде постамента или стола, на котором лежало нечто, очертаниями очень напоминавшее человеческое тело.

– Погребальная камера, – вновь пояснил археолог, но Саше послышалась неуверенность в его голосе.

– А это что?!

– Посмотри сам. И не кричи, пожалуйста.

Археолог приблизился, склонился над предметом, осветив его и осторожно сняв с него кусок материи, и Саша увидел перед собой совершенно нагого мужчину со сложенными на бедрах руками. В первое мгновение юноша решил, что, сговорившись с каким-то бродягой, Николай Николаевич устроил ему элементарный розыгрыш. Он невольно вскрикнул, отпрянув от стола, потом взглянул в лицо археолога, ожидая увидеть насмешку. Но Всесвятский оставался совершенно серьезным.

– Кто это? – задыхаясь как после быстрого бега, едва смог вымолвить Саша.

– Тот, кто лежит здесь не одну сотню лет.

– Так это мумия?!

– Если бы. Мумия, как ты помнишь, получается в результате бальзамирования тела. Внутренности удаляют, тело обрабатывают специальными смолами, пеленают полотняными бинтами, которые тоже пропитаны бальзамирующими составами. А перед тобой совершенно неповрежденное тело. Да ты потрогай, не бойся.

Саша через силу прикоснулся к лежащему. Тело оказалось холодным и словно припорошенным пылью.

– Надави!

Содрогаясь от омерзения, Саша исполнил требование. Как ни странно, поверхность тела слегка пружинила при нажиме.

– словно гуттаперчевая кукла... – вырвалось у юноши.

– Вот-вот.

– Так что же это?

– Давай-ка сначала выберемся наружу. Не тут же давать пояснения. Да и разговор может получиться долгим.

Еще раз взглянув на лежащее тело, Саша вслед за археологом двинулся к выходу. Когда они выбрались на свет божий, Николай Николаевич присел на ту самую плиту, которая некогда прикрывала вход в гробницу, достал папиросы, закурил, потом протянул пачку Саше.

Юноша отрицательно замотал головой и потянулся за бутылкой с водой.

– Как вы можете спокойно курить после посещения этой могилы? – недоуменно спросил он.

Всесвятский пожал плечами.

– Привычка. А на тебя произвело большое впечатление?

– Да уж! Вообще-то я мертвецов не боюсь...

– И правильно, молодой человек, и правильно. Чего их бояться. Живых опасаться нужно. – В голосе археолога сквозила явная ирония, и Саша насупился. Однако любопытство все же пересилило обиду. Он искоса взглянул на методично выпускающего дым Николая Николаевича и спросил:

– Так все же, кто это такой?

– Нашел я гробницу в прошлом году, – начал повествование археолог, – но не случайно, поскольку искал целенаправленно. Несколько лет назад ко мне в руки попал доклад топографической экспедиции, работавшей в этих местах во второй половине прошлого века. В числе прочего в нем встретилось упоминание о некоем древнем захоронении, будто бы имеющемся в здешних степях. Писавший само захоронение не видел, а сообщал о нем со слов местных жителей, которые отказались показать его местонахождение, ссылаясь на забывчивость. Однако

автору доклада удалось выяснить, что место, где оно находится, считается проклятым и туда никто не ходит. Именно упоминание о древнем захоронении и привело меня в эту забытую богом дыру. Поначалу я попытался установить контакт со здешним населением, но встречен был крайне настороженно. Мои археологические изыскания воспринимались как некий тайный замысел властей, направленный против жителей Мертвячьей балки.

Кстати, обрати внимание на название хутора. Не правда ли, оно кое о чем говорит?

Со временем ко мне привыкли, однако ни о какой могиле разговаривать не желали, а может, просто забыли ее местонахождение, поскольку долгое время оно было чем-то вроде табу. Но я все равно нашел. Хотя, конечно, не сразу. Дромос оказался частично завален. Пока я его расчищал, меня не оставляло чувство, что грабители древних захоронений бывали тут не один раз. Плита, прикрывающая вход в дромос, оказалась снятой, тут же валялись сломанная мотыга, разбитый глиняный горшок, еще какое-то ржавое железо. Ход был засыпан кое-как, долго возиться не пришлось. И вот я внутри. Ты, похоже, был потрясен. Представь себе, я тоже. И так же, как и ты, решил, что передо мной мумия.

– А разве нет? – перебил его Саша.

– погоди, рассказ еще не окончен. Я подошел к этому как профессиональный археолог, то есть стал искать еще какие-либо материальные предметы, кроме тела. И ничего! Допустим, здесь побывали грабители могил – и не раз. Но все равно что-то же должно остаться. Бусина, там, черепок, медная бляшка... Абсолютная пустота. Ладно. Я начинаю изучать тело. Конечно, в поле условий никаких, нужны лабораторные исследования. Произвожу самый первый осмотр. И опять загадка. Кто он? Вождь, князь, может быть, жрец? Но почему без облачения? Допустим, сгнило. Опять же должны остаться хоть какие-то следы. Какого роду-племени? Лицо европеоидное, хотя присутствуют высокие скулы. Но самое главное – сохранность тела. Мумификация, как известно, происходит и в силу естественных причин: сухой воздух, отсутствие влаги, хорошая вентиляция. Как-то пришлось читать о некоем герцоге де Круа, чья мумия была найдена в одном из церковных склепов Ревеля[4 - Ревель – нынешний Таллинн.]. Этот герцог, приглашенный Петром Великим на воинскую службу, лавров, однако, не стяжал, что-то у него там не получилось – короче, фортуна от него отвернулась. К тому же бедняга задолжал крупную сумму. Когда он умер, кредиторы

запретили его хоронить до тех пор, пока с наследников не будут взысканы долги. Тело оставили лежать в подвале церкви. Однако наследники расплачиваться не спешили. Про герцога забыли. И обнаружили только через сто лет полностью мумифицированным. Или, допустим, мощи святых угодников в Киево-Печерской лавре...

– А дальше с ним что случилось? – не удержавшись, спросил Саша.

– С кем?

– С герцогом.

– Ах да, мой любознательный друг. Герцога решили похоронить, но оказалось, что незадолго до смерти Петр произвел его в фельдмаршалы, а по российскому воинскому статуту фельдмаршала полагается погребать в присутствии всей августейшей семьи. Государь император Александр II Освободитель повелел дело замять, и о герцоге вновь забыли. И только совсем недавно тело вновь отыскалось, и, кажется, на этот раз герцога де Круа захоронили. Однако вернемся к нашему мертвецу. Мумия, как известно, высохший труп, а этот, как ты только что убедился, отнюдь нет. Тогда что же это? И тут мне вспомнились рассказы о летаргическом сне.

– То есть вы хотите сказать, что он жив?! – изумленно воскликнул Саша.

– Именно!

– Но этого просто не может быть! Я знаю... я читал... Летаргический сон может продолжаться несколько дней, ну месяцев... А годы, тем более сотни лет... Невероятно!

– И все-таки. Я замерил температуру тела. Она, конечно, ниже температуры нормального человека, но не совпадает с температурой подземелья. Она всегда постоянна, невзирая на то, холодно на улице или жарко. Я пытался воздействовать на тело электричеством, для этого даже привез с собой гальваническую батарею. Можешь себе представить, мускулы сокращаются!

– Невероятно! И что же вы намерены делать дальше?

– В каком смысле?

– Ну, с вашим открытием. Ведь нельзя же оставлять тело здесь. Его кто-нибудь может украсть... Или, к примеру, дикие звери растащат...

– Те же мысли весь предыдущий год одолевали и меня. Вывезти отсюда я его не мог. Сам понимаешь, время сейчас смутное, начнутся вопросы, что да как...

– А по-моему, вы раньше времени не желаете это обнародовать, – догадался Саша.

– Возможно, ты и прав. Но я не тороплюсь не потому, что опасаюсь прослыть мистификатором или авантюристом. Тут другое. Помнишь, вчера я рассказывал тебе о своей теории, согласно которой в критические моменты человеческой истории пробуждаются неподвластные нашему восприятию силы и начинают влиять на ее ход.

– Так вы считаете, что найденный вами монстр – часть этих сил?

– Именно, мой друг, именно! Ты быстро соображаешь. Представь себе: перед нами куколка неведомого существа, возможно, только имеющего человеческое обличье...

Всю долгую дорогу назад в лагерь юноша и археолог вели непрерывную беседу. С таинственной находки разговор перекинулся на судьбы России, а затем принял и вовсе глобальный характер. Но, странное дело, даже в пылу спора Саша совершенно машинально время от времени оборачивался. Его не оставляло чувство, что черный человек покинул свое прибежище и незримо присутствует рядом.

Часть I

ГОРОД-МЕЧТА

ГЛАВА 1

Соцгород. 1935 год

1

На невысокой горке среди скопища бараков стоял двухэтажный оштукатуренный и выкрашенный в темно-серый, почти черный цвет дом весьма монументальных пропорций. Однако строгость его фасада и мрачность стен нарушала несколько странная для подобной архитектуры кокетливая застекленная башенка, прилепившаяся к крыше, словно ласточкино гнездо. У одного из распахнутых окон башенки находился человек с биноклем и через окуляры разглядывал окрестности.

Здание было городским отделом НКВД, а человек с биноклем являлся главой этого учреждения Александром Кирилловичем Шаховым.

На дворе стоял июнь. Было жарко, но ветрено. Александр Кириллович хорошо видел, как то тут, то там вихрь закручивал маленькие злые смерчки, которые засасывали в свои изгибающиеся воронки мелкий мусор: бумажки, окурки папирос, шелуху семечек. Созерцание смерчков неожиданно вызвало резкое чувство тревоги, и Александр Кириллович перевел окуляры бинокля выше и подкрутил колесико резкости.

Впереди, заслоняя горизонт, высилась охряная громада Горы, а вокруг, насколько хватало обзора, копошились люди. На первый взгляд в их хаотичной суете было столько же смысла, сколько в мельтешении муравьев, снующих по своей куче. Однако, как и муравьи, движимые единой целью, они выполняли разработанный в высоких кабинетах гениальный план построения города-мечты. А надзирать за всем, исправлять допущенные ошибки, разрушать преступные замыслы врага, карать и миловать был приставлен он – товарищ Шахов. Конечно, в городе и на строительстве имелись и другие начальники, на первый взгляд более важные и ответственные. Но они отвечали каждый за свой участок, а Александр Кириллович отвечал за всех сразу. Когда-то таких, как он, называли

«оком государевым». Лучше не скажешь. Именно око!

Начальник НКВД продолжал изучать происходящее на огромной площадке. Вот от спецпоселка на рудник проследовала колонна заключенных. Лиц было не различить, но Шахов и так хорошо представлял себе изможденные физиономии, потухшие взгляды, сгорбленные спины. Он видел этих людей ежедневно, но однородная серая масса давно уже не вызывала в нем никаких чувств.

Сегодня жалость так же опасна, как и политическая близорукость. Революционная бдительность является тем самым качеством, которое необходимо теперь большевикам, – так считает товарищ Сталин. В последнее время оппозиционеры всех мастей, многочисленные двурушники попытались активизироваться, перехватить инициативу. Политическая борьба крайне обострилась. Пример тому – злодейское убийство товарища Кирова, совершенное полгода назад.

Шахов, считавший себя человеком интеллигентным, перестал замечать, что даже мыслит газетными клише. Каждый день, разглядывая раскинувшийся внизу Соцгород, он словно заклинание повторял примерно одни и те же слова о чекистской прозорливости и пролетарской зоркости, которые столь необходимы именно здесь, на переднем крае социалистического строительства.

Причина некоторых сомнений в собственной значимости была отнюдь не политической. Просто пребывание в этой дыре порядком осточертело Шахову. Собственно, он и рассматривал свое назначение сюда как нечто вроде ссылки. Да, почетной – но тем не менее именно ссылки. Руководство, посылая его в Соцгород, упомянуло о важности задачи и о том, что управление здешнего НКВД по своему значению ничуть не ниже областного управления, однако в напутственном слове прозвучал прозрачный намек на обстоятельство, результатом которого явилось новое назначение. И Шахов намек отлично понял. За год службы в здешних краях он уяснил, что по доброй воле люди сюда не попадают. Причем неважно кто: начиная с секретаря горкома и кончая последним землекопом. Конечно, среди разношерстного населения Соцгорода встречались и идейные энтузиасты, в основном комсомольцы, приехавшие «по зову сердца». Но их было относительно немного в огромной массе ссыльных, беглых людей, вынужденных по той или иной причине сменить место жительства. Кто тут только не попадался! И Шахов был обязан знать все о каждом.

Поначалу ему здесь даже нравилось. Людская пестрота, встречаются интересные личности, приезжают многочисленные именитые визитеры. Но климат, эти постоянные ветра, жестокие обжигающие морозы, но условия жизни!.. А, главное, перспективы. Где, какие его ждут перспективы?!

Он прибыл сюда с семьей. Жена с самого начала была против собственного переезда, резонно замечая, что здоровье их сына оставляет желать лучшего. Весьма сильный довод. Действительно, мальчик всю зиму проболел. Устраиваемые женой сцены кончились тем, что она вместе с сыном отправилась к маме в Курск, и Шахов не смог этому помешать. Да и как тут помешаешь?

Начальник НКВД снова переместил окуляры бинокля. Теперь копошащаяся у его ног людская масса распалась на отдельные персонажи. Лица были в основном знакомые, с некоторыми он даже здоровался. Вот проследовали две странноватые дамочки: немолодая латышка, работавшая в городской газете, и яркая, заметная еврейка лет двадцати пяти – библиотекарь в клубе центральной электростанции. Проживали они в одном бараке в одной комнате и на людях появлялись обязательно вместе. Поговаривали о некой интимной близости, но Шахов не особенно в это верил.

Взгляд невольно вырывал из толпы наиболее экзотические фигуры. Семенящей походкой почти пробежал китаец Ходя, торговавший на базаре самодельными детскими игрушками, оттуда же, с базара, возвращались две молоденькие цыганки, увешанные дешевыми побрякушками. Ветер раздувал многочисленные пестрые юбки. Цыганки промышляли гаданием и мелким воровством, их постоянно забирали милиция, но почти тотчас же отпускала. Шахов продолжал наблюдать за цыганками, вернее, за тем, как порывы ветра обнажают их смуглые икры. Жена отсутствовала уже почти месяц, и Александр Кириллович, человек еще молодой, хорошо питавшийся и полный сил, начинал ощущать гнетущий дискомфорт. Удовлетворить желание с кем попало он не мог и не представлял, как в таком случае поступить.

Размышления о возникшей проблеме неожиданно уступили место совсем иным мыслям, и причиной этому стал человек, на которого наткнулся его бинокль. Им был американец Джон Смит, работавший сварщиком на домне, – молодой долговязый парень, внешне ничем не отличавшийся от тысяч других рабочих, спешащих на смену. Личность американца давно занимала Шахова.

В Соцгороде находилось довольно много иностранцев, в основном немецких и американских специалистов: строителей и металлургов, приехавших сюда по контракту. Они размещались в единственном по-настоящему благоустроенном месте Соцгорода – закрытом поселке Американка, расположенном у подножия Горы. Здесь были построены вполне европейские коттеджи со всеми удобствами, в которых, кроме иностранцев, обитало высокое городское начальство вместе со своими семьями. В Американке имелся даже теннисный корт. К слову сказать, сам Шахов проживал хотя и в отдельной двухкомнатной квартире, но находившейся в обычном щитовом двухэтажном доме, где публика была попроще, а места общего пользования располагались в дощатой будке во дворе.

Именно условия проживания и стали камнем преткновения в отношениях Шахова с женой. Она не раз высказывалась в том смысле, что если бы и у них имелся коттедж, то можно было никуда не уезжать.

Иностранцы, обитавшие в Американке, жили крайне обособленно. Снабжались они из специального закрытого распределителя, с советским народом в повседневном быту практически не общались, а досуг их был заполнен выпивкой, картами, теннисом. Некоторые, правда, еще охотились в окрестностях.

Но имелись и другие заграничные граждане. Оклады в твердой валюте их не интересовали. Они приехали в СССР строить социализм. Среди этой публики встречались немцы, венгры, поляки, латыши. Имелся даже один итальянец с оперной фамилией Верди. Большинство, убежденные коммунисты, бежали из своих стран, спасаясь от репрессий, но некоторые, в том числе и Смит, прибыли в СССР, а потом и в Соцгород вполне обычным путем, заключив договор с государственным трестом. Однако из многих выделялся именно Смит. По агентурным данным, он интересовался вещами, совершенно не относящимися к его основному занятию. Его сосед по комнате, русский парень, сообщал, что Смит постоянно что-то пишет – по его словам, ведет дневник, якобы для того, чтобы в будущем написать большую книгу о Соцгороде. Все это казалось весьма подозрительным и пахло шпионажем, однако прямые доказательства отсутствовали.

Раскрыть в Соцгороде шпионскую сеть или хотя бы выявить одного шпиона было заветной мечтой Шахова. Обычных вредителей, вчерашних кулаков или старых инженеров-спецов можно выявить не один десяток, что, собственно, и делалось.

Однако этим никого не удивишь. А для того, чтобы обратить на себя внимание руководства НКВД, требуется неординарное дело. Нужно копнуть под этого Смита.

Приняв решение, Шахов убрал бинокль в чехол. На сегодня обзор вверенной ему территории был закончен. Спустившись в свой кабинет, он первым делом потребовал принести досье на американца.

2

Основная масса авантюристов состоит из наглых беспринципных личностей, стремящихся обогатиться любыми способами, а затем получить от жизни максимум удовольствий. Однако встречается и иной тип. Это идеалисты, уверенные, что могут изменить общество в лучшую сторону. Из них получаются святые, революционеры и первооткрыватели.

Именно ко второй категории принадлежал Джон Смит. Сын профессора политэкономии одного из американских университетов, кстати, члена коммунистической партии США, он был воспитан в семье, где левые убеждения являлись чем-то совершенно естественным. Профессор, в конце двадцатых годов побывав в СССР, был потрясен увиденным. По его мнению, там созидался рай земной. Недостатков, конечно, хватало, но имелось главное – отсутствовали богатые и бедные. Трудящиеся строили собственное государство, свободное от угнетателей и эксплуататоров. Свои взгляды профессор открыто пропагандировал среди знакомых и незнакомых людей, публиковал в печати, чем вызвал недовольство госдепартамента. При этом ученый муж даже не подозревал, что будь он советским профессором и пропагандируй американский образ жизни, то в лучшем случае лишился бы работы, а в худшем...

Профессорский сын, наслушавшись папашиних откровений, желал увидеть волшебную страну своими глазами. Однако молодой человек стремился не просто созерцать, а вместе с русскими рабочими строить этот самый социализм. Джон оставил колледж и по совету отца получил весьма нужную в СССР профессию сварщика. Теперь оставалось осуществить мечту и попасть в Россию, что удалось без особого труда. В конце 1932 года двадцатилетний Смит стал обладателем советской визы, а вскоре прибыл в Москву и получил направление на работу в Соцгород, на строительство крупнейшего в Европе металлургического комбината. Действительность разочаровала его, и не просто

разочаровала – потрясла. Социалистический город представлял собой хаотическое скопище палаток, землянок, бараков. Их обитатели были лишены самых элементарных бытовых удобств. На строительстве царила неразбериха и некомпетентность. Порой не хватало простейших инструментов. Словом, мечты разбились о реальность. Однако Джон Смит оказался не из тех людей, которые привыкли пасовать перед трудностями. Очень скоро он понял главное. Несмотря на убогий быт и непосильный труд, происходившее вокруг грандиозно. Буквально на глазах в голом поле вырастал огромный завод, а рядом город, который тоже формировался на глазах. И постепенно американец не только привык ко всему, но и полюбил Соцгород и людей, его населявших. Будущее представлялось ему неясным, но невероятно увлекательным. А главное, он мечтал написать книгу о Соцгороде, его людях и о том, что пережил сам.

3

Шахов небрежно перелистал несколько машинописных листков, закрыл папку, на которой синими чернилами было крупно выведено: «Джон Смит», насмешливо посмотрел на человека, ее принесшего:

– И это все?

– А что, собственно, должно быть еще? – Начальник оперативной части, работавший в управлении всего три месяца, недоуменно взирал на своего руководителя.

Шахов молча разглядывал почти детское лицо, всматривался в простодушные, как ему казалось, голубовато-серые крестьянские глаза и прикидывал, устроить лейтенанту НКВД Василию Федотову головомойку или на первый раз слегка пожурить. Парнишка хоть и глуповат, но, в общем, исполнитель. Проходил армейскую службу на границе, потом учеба в школе комсостава ОГПУ. Простодушен, прямолинеен... Короче, неотесан.

– А ты, Вася, лично знаком с этим Смитом?

– Видел пару раз.

– Каковы впечатления?

– Нормальный мужик, на гнилого интеллигентишку не похож.

Выражение «интеллигентишка» насторожило Шахова. Не в его ли огород камешек? Александр Кириллович знал: в управлении его за глаза величают Интеллигентом.

– Сварщиком работает на домне. Ребята в бригаде зовут его Джоником, – продолжал Вася, – живет в бараке на первом участке в одной комнате с Николаем Поповым – мастером домны. Попов характеризует Смита как человека, относящегося с большой симпатией к советской власти, очень идейного и политически грамотного. Смит проживает в Соцгороде уже два года. За это время ни в чем предосудительном замечен не был. Водку не пьет. Единственная особенность – интересуется самыми разными сторонами городской жизни. Попов поясняет: вроде бы Смит хочет в дальнейшем написать книгу о Соцгороде, поэтому и лезет в каждую дырку.

– Именно что в каждую дырку! – многозначительно заметил Шахов, устремив палец вверх. – А не думаешь ли ты, Вася, что этот Джоник – хорошо замаскировавшийся враг?

Вася пожал плечами, но промолчал.

– Прикрывается любовью к нашей стране, а сам тем временем ведет разведывательную деятельность.

– Иностранцев в городе много. Наверняка кто-то из них – шпион, – осторожно заметил Вася.

– Вот-вот! Нужно бы попристальней приглядеться к Смику. Что еще о нем известно?

– Уже полгода встречается с девушкой Анной Авдеевой – студенткой педвуза. Похоже, у них серьезные отношения.

– Интересно. Собери-ка ты сведения об этой Авдеевой, а потом пригласи ее сюда. Что происходит новенького в нашем забавном городке?

– В милицейской сводке...

– Я читал сводку! О чем сообщают осведомители?

– Вчера я имел встречу с внештатным сотрудником Пиней, – бойко затараторил Вася, – означенный Пиня сообщил...

– Помедленней, пожалуйста, – снисходительно улыбнувшись, попросил Шахов.

– ...сообщил, что ему известен некий Томиловский, шестидесяти семи лет, бывший полковник царской армии, а затем колчаковец. Томиловский нигде не работает, но в настоящий момент пытается устроиться на метеостанцию наблюдателем. Хотя какой со старика спрос?

– Что значит, какой спрос? – строго промолвил Шахов. – С этим полковником необходимо разобраться! Ведь куда он лыжи наострил? На метеостанцию! А это стратегический объект! К тому же коли он из колчаковцев, то скорее всего якшается с себе подобной публикой. Арестовать и с пристрастием допросить. Еще?

– Довольно странный случай на Шанхае. Убит мальчик тринадцати лет...

– Я обратил внимание в сводке, – вновь перебил Федотова начальник. – Бытовые преступления – компетенция милиции. Итак, за тобой эта Авдеева. Действуй. И не тяни.

ГЛАВА 2

1

На самом краю Соцгорода, в овраге, неподалеку от сортировочной станции, раскинулось живописное поселение, известное в народе под названием Шанхай. В отличие от своего китайского тезки, оно не поражало гигантскими размерами, однако трущобным видом и пестротой населения вполне соответствовало его

международной репутации. Откуда взялось столь экзотическое название? На этот счет существовали разные версии. Одна гласила, что первыми здесь поселилось вернувшееся из Китая семейство казаков-переселенцев. На бывшее место проживания им вернуться не разрешили, и притулились они неподалеку от родной станицы, пускай не дома, зато на исконной земле. Однако молва утверждала: недолго пришлось казачишкам прохлаждаться на родине. Те, кому надо, дознались, что глава семейства сражался в дутовских бандах. И вновь загнали бедолаг в какие-то сибирские дебри, где они и сгинули. А название сохранилось и прижилось.

Так это или не так, сказать трудно, но личностей, в сравнении с которыми бывший дутовец показался бы ангелом, на Шанхае хватало с избытком. Кого здесь только не было: раскулаченные, в основном казанские татары, сосланные сюда, но сумевшие избежать итековских[5 - И Т К – исправительно-трудовая колония.] лагерей; беглые крестьяне, спасавшиеся от раскулачивания и последующих репрессий, бросившие свое кровью и потом нажитое хозяйство и бежавшие куда глаза глядят; жители голодавших губерний Поволжья, снявшиеся со своих мест, чтобы не сгинуть под забором; деклассированные элементы – другими словами, различное ворье и бандиты. Встречались и «бывшие», люди, некогда знавшие лучшие дни и волею судеб брошенные на самое дно жизни. Все это скопище несчастных, озлобленных людей ютилось в землянках и хибарах, построенных бог знает из чего: железнодорожных шпал, обрезков досок, жести и толя, саманных кирпичей и просто мусора. Занятия жителей Шанхая были столь же разномастны, как и их обиталища. Кое-кто имел постоянную, в основном неквалифицированную, работу, другие занимались «отхожими промыслами»: плотничали, таскали тяжести, брались за любое подвернувшееся дело. Имелись здесь сапожники, маляры, жестянщики, кузнецы... Многие приторговывали, вернее – спекулировали дефицитной мануфактурой, а иные просто продавали на базаре холодную воду, пирожки и всякое тряпье. Одним из важнейших промыслов являлось самогонование.

Милиция даже в дневное время сюда соваться опасалась, поскольку ее славные представители вполне могли получить удар кирпичом по голове, а то и нарваться на финский нож. К слову, различные преступления, в том числе и убийства, случались здесь довольно часто и никого не удивляли. Нашли же в мае на свалке неподалеку от Шанхая отрезанную голову молодой женщины, а вот куда делось тело и кому, собственно, принадлежала отрезанная голова, так и не удалось выяснить. Поговаривали о страшном. Будто для начинки пирожков, коими торговали на базаре безобразные, похожие на ведьм старухи, шло, кроме требухи, не только кошачье и собачье мясо, но и человечинка. Много странных и

зловещих событий случалось в Шанхае.

2

Посреди самостийного поселка стояла не то землянка, не то времянка: крошечный глинобитный домик на одну комнатку плюс кухонька, она же – сени. Пол в домике тоже глиняный, застелен пестрыми лоскутными половиками. Остальное его убранство было и вовсе немудрящим. Две железные кровати, стол, небольшой самодельный шкафчик для снеди и кое-какой посуды, такая же самодельная этажерка, на которой стояли несколько книг, небольшое мутное зеркало и некий флакон, ранее, видимо, наполненный одеколоном, а ныне пустой. В углу висел темный образ, на котором, если присмотреться, можно было различить лик Николы Мирликийского. Подслеповатое оконце, находившееся почти вровень с землей, выходило на огородик площадью в одну сотку, на котором, кроме немудреных овощей вроде лука и чахлых помидоров, росла молодая яблоня-дичок. В хижине обитали два старичка именно из «бывших». О каждом из них придется рассказать отдельно, поскольку они – непосредственные участники нашего повествования.

Первого некогда пышно величали Алексей Габриэлович Фужерон-Делавинь (именно так, ни больше ни меньше). Происходил он из обрусевших французов и в недалеком прошлом был грозой нэпманов – контролером финансового отдела в Ленинграде. Но это, так сказать, было лишь видимой стороной. Истинным же его призванием, даже смыслом жизни являлся оккультизм. Алексей Габриэлович возглавлял «Орден рыцарей Святого Грааля» и именовался в среде посвященных Учителем. Он возводил свой род к дому герцогов Анжуйских и считался ревнителем средневековых рыцарских традиций. Летом 1926 года чекисты арестовали потомка герцогов, всех его сподвижников и привезли в Большой дом на Литейном[6 - Управление ОГПУ- НКВД г. Ленинграда.].

На допросах Алексей Габриэлович своей вины перед советской властью не признавал, объясняя создание и деятельность ордена исключительно интересом к культуре европейского Средневековья и своей литературной деятельностью. Той же версии придерживались и остальные рыцари. Однако чекисты, несмотря на отсутствие доказательств, признали «Орден рыцарей Святого Грааля» организацией нелегальной и антисоветской, а посему по окончании следствия члены организации были осуждены по статье 58-5 УК РСФСР.

Фужерон-Делавинь получил десять лет лагерей и отправился на Северный Урал. Однако, отсидев половину срока, он был освобожден за примерное поведение и ударный труд. В справке об освобождении он уже именовался Алексеем Гавриловичем Фужеровым. Способствовал обрусению небольшой подарочек лагерному писарю.

Здраво рассудив, что лучше укоротить фамилию, чем жизнь, рыцарь Святого Грааля решил затеряться в гуще строителей социализма. С этой целью в начале тридцатых он приехал в Соцгород, поселился на Шанхае и устроился счетоводом в банно-прачечное хозяйство.

Вместе с Алексеем Гавриловичем на той же жилплощади проживал и другой страстотерпец, бывший потомственный дворянин, а ныне сторож детского сада № 23 Константин Георгиевич Рысаков. Некогда, задолго до революции, Рысаков служил в лейб-гвардейском кавалергардском полку, но после некой темной истории, о которой он не любил распространяться, оставил полк. Суть же темной истории в нескольких словах состояла в следующем. За карточным столом он был уличен в передергивании. Офицерский суд чести постановил не подавать поручику Рысакову руки. В результате поручик был вынужден уйти в отставку. Крах военной карьеры не слишком обескуражил бывшего кавалергарда. Он стал жить в свое удовольствие, поскольку являлся весьма состоятельным человеком. Основной его страстью являлась игра. Рысаков играл во что угодно: в карты, в рулетку, на бегах... Со временем состояние иссякло, а с ним иссякла и возможность посещать Баден-Баден, Монте-Карло, и Константин Георгиевич превратился в обыкновенного шулера, известного в определенных кругах под кличками дядя Костя и Улан. Дядя Костя бывал не раз бит, а однажды на Волге его даже выбросили с парохода в набежавшую волну.

Все бы хорошо, но, на беду шулера, случилась революция. Большевики карточные игры не поощряли, а представители белого движения по причине крайней ожесточенности могли не просто побить, а всадить пулю в лоб. Нервы у дяди Кости совсем истрепались. Отличавшая его сила воли тоже куда-то исчезла. Влекомый всеобщей паникой, он очутился во врангелевском Крыму, а потом и в Константинополе.

Эмигрантские волны оказались значительно круче волжских. Там, коли выплывешь, все равно окажешься на родном берегу, а тут – все чужое. В Турции азартные игры находились под запретом, а посему отсутствовали игорные дома. Со своим же братом эмигрантом играть было невозможно по причине отсутствия

средств. Возникла необходимость менять профессию. Дядя Костя так и поступил. Кем он только не был! Состоял в греческом похоронном бюро в качестве мортуса[7 - Мортус – участник похоронной процессии, несущий гроб, факел или венок.], торговал арбузами и дынями, варил халву, служил полотером... Вскоре он уехал из Турции сначала в Югославию, а оттуда в Болгарию. Но и тут удача ему не сопутствовала. В конце концов вместе с неким сотоварищем по прежней шулерской жизни, случайно встреченным в Пловдиве, он решил отправиться на Ближний Восток, а именно в Багдад, где в ту пору стояли английские оккупационные войска и можно было неплохо поживиться на игре. Так, во всяком случае, уверял товарищ. Однако по прибытии в Багдад их моментально арестовали по причине отсутствия виз. В тамошней каталажке оба были крепко избиты, отчего товарищ, обладавший хрупким здоровьем, скоропостижно скончался, и полиция, опасаясь разбирательства, срочно переправила дядю Костю через иранскую границу. В Тегеране нравы оказались еще круче, чем в Багдаде. Визы нет, денег нет – и жизни нет. Дядя Костя совершенно случайно, поставив на кон золотой нательный крестик – единственную ценную вещь, которая у него оставалась, – выиграл в покер у английского купчины два фунта. За один фунт он купил себе загранпаспорт на имя какого-то армянина, подданного СССР, а на остальные деньги еды и билет на пароход, курсировавший от Бендер-Шаха до Баку. Пограничный контроль он прошел без проблем, однако прекрасно понимал, что выдавать себя за Тиграна Азаряна в городе, где каждый второй житель – армянин, крайне опасно. Поэтому подозрительный документ он выбросил. Поболтавшись с неделю по Баку, он сумел разжиться кое-какими деньжонками, опять же благодаря ловкости рук, затем явился в отделение милиции, где, сообщив, что он, командированный из Москвы Константин Георгиевич Рысаков, потерял свои документы, за мзду получил справку, удостоверяющую личность.

Пару лет он колесил по стране, занимаясь привычным промыслом, но работать становилось все труднее. Несколько раз его забирали милиция, и после небольшой отсидки он решил завязать с прошлым по причине преклонных лет и осесть где-нибудь в тихой заводи.

На дворе стоял тридцать первый год. Вся Россия, взбаламученная коллективизацией и индустриализацией, казалось, сдвинулась с исконных мест и устремилась неведомо куда. Дяде Косте было не привыкать. Очередная волна жизни прибила его к Соцгороду, месту, по мнению дяди Кости, вполне для него подходящему. С тех пор он и обитал на главной стройке пятилетки, служил сторожем, время от времени поигрывал в картишки, исключительно для того, чтобы не потерять квалификации, и был весьма уважаем местными

фармазонами и щипачами. С Фужеровым он случайно познакомился пару лет назад, вначале сдал ему угол, а после, почуяв родственную душу, предложил совместное проживание и ведение хозяйства.

Оба старика как нельзя лучше подходили друг к другу. И тот и другой по натуре прожженные авантюристы, прошли, что называется, огонь, воду и медные трубы, но если Фужеров оставался идеалистом и, по сути, глубоко религиозным человеком, то Рысаков не верил ни в бога, ни в черта, став после бурной жизни совершеннейшим пессимистом и циником. Именно соприкосновение двух полярных взглядов на жизнь, постоянные споры на эту тему поддерживали их странный альянс и не давали наскучить друг другу.

3

– Выходной сегодня, по-старому воскресенье, – громко сообщил потомок герцогов Анжуйских. В этот момент он стоял на кухне и чистил картошку. – Раньше в это бы время народ с заутрени возвращался.

– Так то раньше, – отозвался дядя Костя. Он лежал поверх незастеленной постели и читал вчерашнюю газету. В сообществе существовало разделение труда. Готовил исключительно Фужеров, а уборкой занимался его компаньон. – Да к тому же вы, куманек (дядя Костя постоянно величал Фужерова куманьком), – католик.

– Какая разница: католик, православный... Ведь христианин же. Я и православные храмы люблю посещать...

– Где эти храмы? Было два в станице, да и те разобрали по кирпичику. А где священники – неизвестно. Скорее всего сослали. Помню, в тридцать втором году зрел следующую картину. Вас здесь в то время еще не обитало. На земляные работы гнали бригаду заключенных, исключительно попов. Человек пятьдесят, наверное. Все в подрясниках, рваных да грязных. Некоторым даже гривы не успели состричь. Заморенные, измученные... А рядом часовой, мальчонка сопливый с винтовкой, и штычок примкнул. И только какой батюшка споткнется, как мальчонка его легонько штычком подденет и орет: «А скажи, долгогривый: почем опиум для народа?»

– Ужас, – отозвался Фужеров. – И откуда в народе столько злости? Ведь чтили и церковь, и священнослужителей.

– Оттуда! Вы же, масоны, и гадили. Анекдотики сочиняли, побасенки похабные да в массы и подкидывали.

– Я не масон, а тамплиер, сколько можно повторять!

– Одно и то же, куманек! Только не нужно городить набившую оскомину чушь про рыцарскую добродетель. Знаем мы эти мистические бредни. Даже государя императора, Николашу, и того в свою веру обратили. Со всякой нечистью якшался, вроде полоумного Гришки Распутина. Где уж тут православие блюсти. – Дядя Костя отшвырнул газету и резво соскочил с кровати. – Оставим богословские диспуты. Как насчет обеда, ваше сиятельство?

– Будет готов через полчаса. А каковы дальнейшие планы?

– Можно в синематограф податься. В звуковом дают «Нового Гулливера».

– Это не по Свифту ли?

– По нему, по Джонатану. Только Гулливер скорее всего стоит на марксистских позициях, и он, очевидно, комсомолист. Ладно, посмотрим, а пока нужно размяться. – Дядя Костя несколько раз присел, потом помахал перед собой руками, изображая боксера. Был он невысок, плотен и совершенно лыс. Несмотря на преклонные годы, тело его оставалось крепким, словно налитым. На круглой, изборожденной глубокими морщинами физиономии поблескивали острые голубенькие глазки. Лоб пересекал широкий бледный шрам. Фужеров, напротив, рост имел гвардейский, лицо тонкое и породистое. Благородная седина украшала его вытянутую, тыквовидную голову.

– Можно также посетить бильярдную в городском парке, – слегка задыхаясь после проделанных упражнений, продолжил дядя Костя перечень развлечений.

– И, конечно же, испить пивка?

– А почему бы и нет? Итак, какими же изысками французской кухни вы меня сегодня удивите?

– Картофель-фри, – односложно отвечал Фужеров.

– Опять картошка, – поморщился дядя Костя, – и, наверное, на банальном постном масле. А неплохо бы с салъцем, куманек.

– Сала нет. Да и денег тоже. До зарплаты осталось недолго, тогда и появятся деликатесы.

– Нет денег... – задумчиво повторил дядя Костя. – Ничего, раздобудем.

– Играть собираетесь? – иронически поинтересовался Фужеров.

– Совершенно верно, куманек. Поскольку иных способов поправить наш сиротский бюджет не вижу, придется взять в руки колоду. Вечерком отправлюсь в гостиницу. Швейцар Петя, как вы знаете, мой добрый друг. Он подыщет лохов, виноват, партнеров.

– А если побьют?

– А Петя для чего? За просто так долю получает? Отмазка тоже входит в его функции. Ладно, не будем о плохом, еще накаркаете. Что нового в наших палестинах? Фужеров, как известно, живая газета Шанхая. Соседушки дорогие как поживают? Ведь вы же – всеобщий любимец. Великий утешитель. К вам идут с радостями и бедами... На картах опять же гадаете искусно. Мне хотя бы часть ваших способностей.

– У вас и своих достаточно, – отпарировал Алексей Гаврилович. – А что касается шанхайских сплетен, то до сих пор главная тема – смерть мальчика, случившаяся в минувший выходной.

– Скворцова этого?

– Вот-вот.

– Какие же толки?

– Разное говорят. Мол, объявился некий злодей-душитель. И мальчик – только первая жертва. Другие толкуют: ребенок – свидетель некоего жуткого преступления, вот его и убрали.

– А я думаю, тут действует психопат, – заявил дядя Костя. – Помню, в Херсоне, еще задолго до войны, нечто подобное случилось. Там один мерзавец тоже детей убивал, правда, исключительно девочек. Нашли довольно быстро, городишко небольшой – все всех знают. Можете себе представить, им оказался сын хозяина москательной лавки – здоровенный тупой детина. Отец у него больно религиозным слыл. Из какой-то там секты. Вообще запрещал сыну на девок смотреть. Мол, грех, и все такое. А натура, конечно, свое берет. Однажды в пустынном закуте встретил он нищенку, кровь взыграла, он бросился на девчонку, а опыта общения с женщинами никакого, к тому же силен как бык. Словом, придушил нечаянно. И, видать, ему понравилось. Второй раз уже сознательно подкараулил другую бедняжку, сначала придушил, а потом надругался. На второй его и поймали. Причем помог родной отец. Этот придурок прихватил какую-то деталь туалета у убиенной: нижнюю юбку, что ли, или панталоны. А отец и обнаружил, даже не отец, а прислуга, такая же чокнутая, как и москательщик. Она, естественно, хозяину доложила, он давай парня пороть смертным боем, тот и рассказал, как все случилось. И прислуга при сем рассказе присутствовала. Она тут же побежала в полицию от греха подальше.

– Так там были девочки, а в нашем случае мальчик, – возразил Фужеров.

– Да какая разница, кому-то нравятся девочки, кому-то мальчики... У психопатов разнообразные вкусы. Вот, помню, в Екатеринославе...

– А еще болтают: мальчик Скворцов – жертва некоего мистического ритуала, – перебил дядю Костю Фужеров.

– Это уж по вашей части, – иронически произнес дядя Костя. – Вы же у нас знаток и ревнитель средневековой культуры.

– Зло иронизируете, Константин Георгиевич. Данная ситуация вполне возможна. Здесь, в Соцгороде, сосредоточение темных сил. Это легко объяснимо. В городе ни одной церкви, а вокруг столько горя. Верующему человеку негде облегчить

душу, хотя бы ненадолго снять внутреннее напряжение. А дьявол – он тут как тут.

– Это уж точно, – поддакнул дядя Костя. – В нашем Шанхае обитают бабы-колдовки. И в большом количестве. Сам не раз убеждался. Вот, к примеру, с неделю назад я вышел на заре во двор, извиняюсь за подробность, помочиться. Смотрю, у соседней харинской землянки Салтычиха вертится. Знаете Салтычиху?

– Старуха такая противная, на левом краю живет.

– Вот-вот, она самая. Чего, думаю, ей тут нужно да еще в такую рань? Пригляделся, а она что-то, понимаете, нашептывает, потом давай какие-то не то перышки, не то нитки кидать в сторону землянки. Я посмотрел еще с минуту на эти манипуляции, плюнул и пошел досыпать. А вечером слышу – бабка Харина жалуется: у козы молоко пропало. Вот тебе и пожалуйста. Не иначе сглазила козу Салтычиха. А картошка-то, похоже, готова?

– Садитесь за стол, Константин Георгиевич, – отвечал Фужеров, – кушать подано.

– Завтрак, он же обед, – прокомментировал дядя Костя, цепляя на вилку поджаристую картошку и заедая ее перьями зеленого лука. – Отлично изготовлено, вот что значит французская кровь. Из такой чепухи царское угощение. Жаль, капуста у нас кончилась. Давайте, куманек, по случаю воскресного дня причастимся. – Он достал из неказистого дощатого шкафчика склянку с мутноватой жидкостью, разлил ее в две старинные зеленого стекла рюмки, отчего в комнатухе сразу же запахло сивухой.

– Ну, с богом! – Старики чокнулись. Дядя Костя проглотил самогон одним духом, а Фужеров сначала сделал маленький глоток, отчего его лицо страдальчески перекопилось, потом выдохнул воздух и уже затем допил свою рюмку.

– Как вы, французы, однако, мучительно пьете, – заметил дядя Костя. – Прямотаки оторопь берет.

– Так ведь не коньяк, – виновато произнес Фужеров.

– Это верно. Однако, возможно, в недалеком будущем придет время и коньяку. Ведь, как справедливо заметил товарищ Сталин: «Жить стало лучше, жить стало веселей». Вон и карточки на хлеб отменили.

– А что толку? Все равно его свободно не купишь. Какую очередь вчера отстоял! – Фужеров сунул под нос дяде Косте ладонь, с которой еще не исчез выведенный химическим карандашом номер 143.

– Ничего, куманек, не хлебом единым, как выражались пророки. Давайте-ка еще по маленькой – и на променад.

4

Как справедливо заметил Фужеров, смерть мальчика Вани Скворцова была главной темой пересудов в Шанхае вот уже неделю.

Воскресным утром группа шанхайских ребятишек отправилась купаться. В окрестностях мест для купания имелось несколько. Первое из них – большой бурный ручей, вода в котором имела густой красный цвет. Объяснялся этот феномен тем, что ручей тек со стороны рудника и представлял собой технический сток после промывки и обогащения железной руды. Главным плюсом купания в ручье являлось то, что вода в нем в любое время года была теплой, однако минусов имелось значительно больше. Человек, искупавшийся в ручье, на некоторое время становился краснокожим, причем впоследствии кожа начинала шелушиться и даже слезать, в зависимости от времени, проведенного в воде. По этим причинам желающих омыться в данном водоеме оказывалось немного.

Еще имелись небольшие затопленные шурфы у самого подножия Горы. Вода здесь была чистой, но холодной из-за родников. Однако выработки пользовались еще более дурной славой, чем красный ручей. Здесь было глубоко, а на дне в изобилии валялся разный железный хлам, который становился причиной частых порезов, а то и смертей. В прошлом году тут погиб взрослый мужчина, который, находясь в подпитии, решил продемонстрировать друзьям свою удачу. Нырнув с обрыва, он ударился о торчавший из дна рельс и раскроил голову.

Детей было человек десять, исключительно мальчиков, потому что совместно с девочками купаться считалось неприличным. Несмотря на то что день только начался, стояла жара. Ребята мгновенно разделись и бросились в воду. Они, несмотря на запреты взрослых, купались здесь постоянно и прекрасно знали рельеф дна и все, что на нем лежит. Они плескались минут пятнадцать, но вода оказалась холодна, и дети вскоре выбрались на берег. Еще одним неудобством выработок являлось отсутствие нормального места для лежания. Берег представлял собой нагромождение каменных глыб, между которыми был рассыпан острый гранитный щебень. Кто-то залез на глыбы, остальные топтались вокруг.

Вначале ребята оживленно обсуждали купание, вытаращив глаза, рассказывали, как при попадании в ледяную воду родников у них сводило судорогой ноги или руки и они «чуть-чуть» не захлебывались. Потом заговорили о том, какова глубина выработок и что лежит на дне. Один мальчик, желая поднять свой авторитет, поведал о затопленном паровозе, однако его высмеяли. Вскоре разговоры стихли – действовала оглушающая жара. В холодную воду больше лезть никто не желал, а больше заняться было нечем. И тут кто-то предложил отправиться за «кисляткой» – диким щавелем. Идея была встречена с одобрением, и ребята двинулись в степь.

Среди детей находились два брата Скворцовы: Иван и Пантелей. Ванюшке только-только исполнилось восемь лет, а Пантюха был намного старше, ему сравнялось двенадцать.

Отвалы скоро кончились, и перед мальчиками открылась необъятная степь. Стоял июнь, и, несмотря на жару, трава еще не выгорела. Все вокруг радовалось жизни. Голубели глазки незабудок, топорщились свечки очитков, колыхалась серебристая грива ковыля. Горьковато и тревожно пахло зацветающей полынью и чабрецом. Над степью, высматривая мышей, чертили небо ястребки и кобчики. Иное, сверкающее бытие, столь отличное от привычного шанхайского мирка, полного пыли и вони, окружало ребят.

– Воля! – неожиданно произнес кто-то из старших, и все радостно загалдели.

Никто точно не знал, где произрастает эта самая кислятка, и поэтому мальчики разбрелись по степи, больше смотря себе под ноги, чем по сторонам. Кто-то уже обнаружил побеги щавеля и теперь смачно жевал его листочки, от кислоты которых сводило скулы. Кое-где встречались крохотные кустики степной

клубники, ягоды которой еще были жестки и зелены, но пацанва пожирала и их.

Степь только на первый взгляд кажется ровной как стол. На самом же деле здесь много овражков, промоин от бежавших по весне потоков, крохотных балочек.

То тут, то там виднелись стоящие столбиком суслики – еще одно развлечение. Ребята бросали в зверьков камнями, и те стремительно исчезали в своих норах.

Резвились довольно долго, но наконец, пресытившись раздольем, решили возвращаться домой. Когда вновь сбились в кучу, Пантюха заметил: братец отсутствует. На вопрос: «Где Ванька?» – ребята пожимали плечами. Наконец один мальчик сообщил, что вроде видел, как меньшой Скворцов подался в сторону Шанхая. Это было похоже на Ваню, который, по малолетству, постоянно отбивался от коллектива. Пантюха для очистки совести побегал по степи, покричал братца, но, заметив, что остальные ушли от него уже довольно далеко, бросился их догонять.

– Как придем в Шанхай, первым делом надаю Ваньке шизделей! – сообщил он товарищам. Однако и дома братца не оказалось. Пантюха решил пока не поднимать шума, поскольку понимал: крайним окажется он и в результате сам получит шизделей, только от матери. Мальчик заметался по поселку в поисках Вани, но все было напрасно: никто его не видел. По здравому размышлению Пантюхи, в степи заблудиться невозможно, поскольку город виден из любой точки. Значит, брат либо где-то заснул, разморенный солнышком, либо с ним что-то случилось.

Он вернулся домой и сообщил обо всем матери.

– Иди ищи, – односложно сказала она.

В семействе Скворцовых имелось трое детей, по меркам Шанхая – немного. Старшая – четырнадцатилетняя Наташка – в данный момент находилась в пионерском лагере. Глава семейства – железнодорожник-кочегар – был на работе.

Пантюха, взяв краюху хлеба, вновь побежал в степь. Сбиваясь с ног, метался по взгоркам, буеракам и вопил, выкрикивая имя брата, до тех пор, пока не осип. К

этому времени уже начало темнеть. Наконец мальчик, поняв тщетность своих усилий, присел на взгорок и заплакал. Поплавав немного, он поднялся и в этот момент увидел невдалеке двух взрослых, в одном из которых сразу же признал отца, а в другом – соседа, машиниста отцова паровоза.

Подошедший отец первым делом дал Пантюхе хорошую затрещину, а уж потом потребовал объяснений. Узнав, что поиски безрезультатны, он вновь отвесил сыну леща.

– Показывай, где вы были! – потребовал отец. Пантюха прочертил рукой неопределенную дугу и тут же в третий раз почувствовал тяжесть кочегаровой руки.

– Хватит, Михаил, – урезонил отца сосед, – так мальцу последний ум отобьешь.

Втроем они рыскали по степи, пока полностью не стемнело. Тогда, поняв, что дальнейшие поиски бесполезны, отправились назад, решив, как рассветет, вновь вернуться сюда, поскольку назавтра они работали в ночную смену.

Солнце едва-едва выглянуло из-за Горы, а семейство Скворцовых уже было на ногах. Отец, мать и Пантюха вновь отправились в степь. К ним присоединились машинист, два его взрослых сына и еще несколько соседей.

Ваню нашли через пятнадцать минут после начала поисков, причем наверняка вчера они ходили мимо этого места не раз. Мальчик был мертв. Он лежал на небольшом бугорке, хорошо заметный издали. Почему-то на нем отсутствовала рубашка.

– Убили, – обреченно сказала мать.

Пантюха, вытаращив глаза и разинув рот, в ужасе взирал на худенькое тельце брата. Мужчины кинулись его осматривать, а мать села на землю и закрыла лицо руками.

На теле Вани не имелось явных повреждений, лишь на шее был замечен не то укус, не то след сдавливания рукой – багровый синяк, в центре которого запеклось несколько капелек крови. Кочегар поднял Ваню на руки и бегом

помчался в город в надежде, что еще удастся вернуть ребенку жизнь. Но ничего поделать уже было невозможно. В амбулатории констатировали факт смерти, потом вызвали милицию, а тело отправили в морг на вскрытие, которое показало следующее: «Мальчик скончался от отека гортани и последующей остановки дыхания на фоне острой анемии. Отек гортани, в свою очередь, скорее всего произошел по причине укуса змеи, очевидно гадюки».

– Ребенок очень слабенький, – объяснял ничего не соображающему отцу врач-патологоанатом, – анемия у него, судя по всему, очень длительная. Поэтому укус змеи привел к летальному исходу, тем более что помощь вовремя не была оказана. А змея ужалила скорее всего во время сна. На шее имеются два прокола от зубов.

* * *

В степи действительно водились гадюки, но до сих пор от их укусов еще никто не умирал. Молодому анатому с укусами змей сталкиваться не приходилось, а поставил он диагноз, руководствуясь исключительно справочником. Если бы он был поопытнее, то сразу определил бы: следы на шее у мальчика сделаны зубами значительно более крупными, чем у гадюки. И самая главная ошибка: анатом обратил внимание на то, что тело весьма сильно обескровлено, но счел это следствием острой анемии.

ГЛАВА 3

1

В дверь кабинета неуверенно постучали. Шахов оторвал взгляд от передовицы в «Правде».

– Войдите.

На пороге появилась девушка лет двадцати и робко произнесла:

– К вам направили... Я – Аня Авдеева. Вы меня вызывали?

Шахов в первую минуту даже не понял, кто перед ним. Потом до него дошло: та самая девка, которая крутит любовь с американцем. Он строго взглянул на посетительницу. Она переминалась с ноги на ногу, явно растерянная. Пускай пока постоит. А ничего деваха, приятная. У этого Джоника губа не дура. Она была невысокого роста, стройна, узка в талии и при этом грудаста. Темные, расчесанные на прямой пробор волосы, аккуратный, слегка вздернутый носик и высокие скулы придавали ее облику нечто неуловимо восточное. Чуть раскосые зеленовато-желтые рысьи глаза еще больше усиливали это впечатление.

«Чио-Чио-Сан», – подумал Шахов, любивший цветистые сравнения.

– Садись, – он сразу перешел на «ты», решив не церемониться.

Девушка осторожно присела на край казенного стула.

Шахов поднял трубку внутреннего телефона и как можно строже произнес:

– Принесите личное дело Авдеевой Анны.

Потом он пристально уставился на девушку, которая смущенно потупила взгляд. Громко топая сапогами, вошел сотрудник и положил перед Шаховым картонную папку. Тот развязал тесемки и с каменным лицом стал просматривать документы, хотя еще вчера тщательно их изучил, затем поднял голову на «Чио-Чио-Сан».

– Я начальник городского НКВД, – обозначил он свой высокий ранг.

Девушка молча кивнула.

– А ты, значит, Авдеева Анна... – Шахов заглянул в папку —...Евгеньевна, 1916 года рождения, уроженка деревни Суходол Яранского уезда Вятской губернии.

Девушка вновь кивнула.

– В настоящий момент проживаешь вместе с родителями на пятом участке, учишься на втором курсе педагогического института. Все правильно?

Новый кивок.

– Не догадываешься, зачем вызвали?

Девушка пожала плечами.

– А ведь знаешь, знаешь... – насмешливо заметил Шахов, впиваясь взглядом в раскосые глаза. По тому, как она неуверенно заморгала, Шахов понял – попал в цель. – А причина вызова: твои контакты с иностранцем, этим, как его... Смитом.

– Но ведь он – хороший человек, – впервые заговорила Авдеева, и Шахов с удовольствием отметил, что ее голос мягок и мелодичен. – Он приехал сюда помогать строить социализм.

– Давай пока поговорим о тебе, – холодно процедил Шахов. – Кто твои родители?

– Отец работает на автобазе, мать – повар в цирке.

– Так-так. Верно. А раньше кем они были?

– Крестьянствовали. Мы вятские...

– ...парни хватские, – докончил Шахов. – Знакомая песенка, от сохи, значит. А к социальной прослойке какой принадлежали?

– Средняки.

– Ах, середняки! А может, кулаки?

Глаза у девушки забегали.

– Дедушка, тот действительно... раскулачен и сослан, а мы – нет. Мы сами приехали.

– Вот именно, сами! Вас просто не успели раскулачить, потому что вы сбежали. Бросили хозяйство и сбежали! Разве не так? В колхоз твое семейство не брали, поскольку хотя матушка действительно из середняков, а папаша – сын кулака и сам кулак. Твои родители даже развелись, чтобы мать приняли в колхоз.

Голова Ани поникла.

– Органам все известно, – веско заметил Шахов. – От народа правду не скроешь. – Он зачем-то ткнул пальцем в лежащую перед ним газету. – А ведь при вступлении в комсомол ты утаила правду. Не так ли?

Девушка вскочила и метнулась к окну, как пойманная птица. Тонкий застиранный ситец ее платья в лучах бьющего в кабинет солнца стал прозрачен, открыв взгляду точеные ножки до самых бедер, и Шахов внезапно почувствовал острейшее желание. Он был готов немедленно повалить ее на стол, ткнуть лицом в папку с ее же личным делом и задрать ей подол... Ладони у него вспотели, голова пошла кругом, а мужское достоинство и вовсе разбушевалось. Только максимальным напряжением воли, как, собственно, и подобало истинному чекисту, он сдержал себя. Тем более в кабинет в любую минуту мог войти кто-нибудь из подчиненных или, допустим, секретарша. Хорош же он будет со спущенными штанами!

– Сядь! – рявкнул он и перевел дыхание. Девушка расценила его вздох по-своему, видимо решив, что судьба ее предрешена. Она покорно села и уставилась взглядом в пол.

«Никуда она от меня не денется, но не здесь... не здесь... А где?» Мысли метались в голове у Шахова, словно псы, справляющие собачью свадьбу. «Интересно, спит ли она с этим Джоником? Спросить напрямую? Нет, неудобно, не по-интеллигентски. Успеется. Нужно ее максимально деморализовать».

– Итак, ты представляешь, что с тобой будет, если все откроется? Из комсомола выгонят, из вуза, соответственно, тоже. Что будет с твоими родителями, братьями?.. Трудно даже представить последствия!

– Чего уж тут представлять, – тоскливо произнесла Аня, и Шахов внутренне усмехнулся: цель достигнута, с девушкой можно делать все, что угодно.

– Чего уж тут представлять, – повторила она, – далеко ходить не нужно, спецпоселок рядом...

– Именно, голубушка! Но есть другой вариант. Ты становишься нашим сотрудником. Секретным сотрудником, между прочим, а это значит, что мы тебе доверяем. Под псевдонимом, допустим... Чио-Чио-Сан! Неплохо, как считаешь? Ты на японку чем-то похожа. Поскольку ты с этим американцем дружишь, будешь нам докладывать: что он говорит, куда ходит... Ну и так далее. Ты согласна?

Девушка тупо молчала.

– Согласна?!

Она подняла взгляд, глаза у нее были, как у загнанной в угол зверушки, но слез, которые ожидал увидеть Шахов, не наблюдалось.

– Согласна.

– Вот и хорошо. Дальше поступим следующим образом. За сегодняшний и завтрашний день ты должна вспомнить все подробности ваших бесед со Смитом и связно изложить их на бумаге. Труда тебе это не составит, поскольку ты девушка грамотная. А послезавтра, в двенадцать часов, позвонишь мне вот по этому телефону, – Шахов протянул Ане клочок бумаги с номером, – и мы договоримся о встрече. Все ясно? И не вздумай сообщить Смиту о нашем разговоре!

2

А как же поживает сам мистер Смит, вокруг которого начинают сгущаться тучи? Он по-прежнему упорно и целенаправленно строит социализм в одной отдельно взятой стране.

Американца, как мы уже отмечали выше, отличало одно весьма важное свойство натуры – упрямство. В отличие от ослиного, у Джона оно носило созидательный характер. Вначале упрямство было необходимо, чтобы освоиться в непривычных условиях работы и быта, в дальнейшем – чтобы не стать таким, как все, то есть

не превратиться в крохотный винтик, механически выполняющий работу. Смит очень быстро понял, что при всех преимуществах социализма у него имеется огромный и, видимо, главный недостаток – конкретная личность полностью растворена в массе. Будь ты хоть семи пядей во лбу, как говорили русские, все равно твоя инициатива и умение быстро соображать могли найти применение только в коллективе. Но и тут ты если и становился лидером, то лишь негласным. Официальный лидер мог быть непроходимо тупым, но зато поставленным властью, а посему пользовался непререкаемым авторитетом. Уравниловка в отношении людских способностей приводила к уравниловке в уровне жизни. В Америке к талантам относились намного бережней, поскольку талант – это деньги. Здесь же деньгам не придавали особого значения, а людям и того меньше. Упадешь ты, на твое место встанет другой.

Смит считал, что причину подобного мышления следует искать не в дне сегодняшнем. Огромные территории, отсутствие дорог и отсталая система управления страной за века превратили Россию в государство, где не было места инициативе. В деревне всем правила община, другими словами – мир. В городе – чиновник, в стране – государь. Все было рыхло и аморфно. Приказал царь-батюшка – сделаем, не приказал – не сделаем. Каждый ждал команды сверху.

Русские и сами прекрасно осознавали причину своих бед. Однажды Смит прочитал рассказ писателя Лескова «Левша» о некоем умельце, подковавшем блоху, но суть рассказа была не в прославлении способностей Левши, а в обличении косности и нерасторопности чиновников. «Скажите государю, что англичане ружья кирпичом не чистят, пусть чтобы и у нас не чистили, а то, храни бог от войны, они стрелять не годятся», – пытался донести Левша. Но никто его не услышал. Талантливых людей в России не меньше, чем где-либо. Не хватает только реального поощрения этих самых талантов. Нашлась кучка авантюристов или гениев, это уж как кому нравится, и подорвала вековые устои. Но не сменила ли одна деспотия другую?

Иногда Смит, всегда увлекавшемуся историей, чудилось: СССР – новый Вавилон. То же смешение народов, та же гигантомания, осуществляемая за счет рабского труда. То же бесправие и нищета простых людей.

Да, официально декларировалась власть народа, но в реальности у этого самого народа сегодня было меньше прав, чем двадцать лет назад, при царском режиме. При царизме никто, даже грозный Иван, не смел одним мановением

перста отправить миллионы людей, и не каких-нибудь строптивых бояр, а тружеников, на чьих плечах покоится благосостояние государства, под конвоем за тридевять земель. Но в то же время, для того чтобы сделать государство могучим, нужно построить десятки, а то и сотни заводов, подобных здешнему комбинату. А для этого нужны люди, много людей. И получалось: строя одно – разрушали другое. Огромные массы народа, перемалываемые государственными жерновами, превращались в пыль.

Смит понимал, навсегда в России он не останется. Придет час – сложит чемодан, и прощай, страна чудес. И, похоже, этот час приближался. Репрессии, которые в общем-то никогда не прекращались, стали после убийства Кирова усиливаться. Повсюду искали вредителей и шпионов. Похоже, подбирались и к нему. Смит понял это по поведению некоторых своих знакомых, того же Коли, соседа по комнате. Очень осторожно тот намекнул, что Смитом интересуется НКВД. Правда, американского подданного не так просто репрессировать. Для этого нужны веские основания.

Два обстоятельства удерживали его в Соцгороде. Первое – он считал, что собранных материалов для будущей книги о СССР пока еще недостаточно, и второе – Джон влюбился. Это было не просто минутное увлечение. С Аней он собирался навсегда связать свою жизнь.

3

Шахов несколько не сомневался в том, что Аня позвонит. Не в ее интересах уклоняться от встречи. Так оно и случилось. Девушка позвонила ровно в двенадцать, и Шахов назначил встречу в городской гостинице, в триста первом номере. На робкое замечание Ани, что ее, может быть, не пропустят, Шахов заверил: с этим проблем не будет. Говорил он строго и холодно, как бы давая понять: встреча исключительно деловая, однако на самом деле рассчитывал на несколько иное общение.

В городе имелась всего одна гостиница. Находилась она рядом с заводууправлением, и все высокие чины, приезжавшие в Соцгород, знаменитые артисты и циркачи останавливались именно в ней. Здесь же проживали и обычные граждане, приехавшие в город в командировку, или те жители, кто по каким-либо причинам не желал селиться в бараке. Гостиница считалась среди местного населения злчным местом, тут постоянно крутились девицы легкого

поведения, мелкие воришки, шулера и прочий темный сброд. Шахову было известно, что в номерах играют в карты, иногда по крупной, здесь можно было снять проститутку и даже купить наркотики. Милиция частенько устраивала облавы, но тем не менее все оставалось по-прежнему.

Чекисты использовали гостиничные номера для встреч с агентурой.

Итак, Шахов решил совместить полезное с приятным и стал готовиться к свиданию. Коли он зазывает девицу в номера, то должно быть и угощение. Чем же ее кормить, может, купить пряников?

Шахов, не скупой по натуре человек, совершенно не представлял, как вести себя в подобной ситуации. До сих пор у него в гостинице были только деловые встречи.

Пряники, по здравому размышлению, были отменены. Слишком убого. А может, орехи?

Шахов представил, как будет приставать, а девица тем временем щелкать скорлупки, и невольно засмеялся. Еще глупее. Тогда что? Лучше всего, конечно, подходит шампанское и шоколадные конфеты. Но где взять? Конечно, нет ничего проще послать кого-нибудь, хотя бы секретаршу, в гастроном, открывшийся недавно в Кировском районе, директор которого тоже состоял в осведомителях, но ведь пойдут разговоры, а Шахов всеми силами старался избегать лишних сплетен. Он и так рискует.

А может, вовсе обойтись без угощения? Но как-то не по-мужски, и вообще пахнет использованием служебного положения в личных целях.

Александр Кириллович не привык долго размышлять. Он прихватил солидный кожаный портфель и спустился к подъезду, где стоял «ГАЗ-А». Хотя начальнику НКВД полагался личный шофер, Шахов сам водил машину и делал это с удовольствием. По дороге в гастроном он прикинул, что в случае развития отношений можно вывезти девицу на природу: в лесок или на речку. Как приятно летнею порой покувыркаться в стогу, игриво подумал пламенный чекист. Он был не чужд романтики.

Толкнув носком сапога дверь, Шахов вошел в кабинет директора гастронома. Пожилой тучный мужчина сидел за огромным заваленным бумагами письменным столом и щелкал костяшками счетов. Он поднял на наглого посетителя недовольный взор, но, узнав, тотчас вскочил и расплылся в сладчайшей улыбке.

Начальник НКВД желал вести себя сообразно чину, но несколько смешался. Директор ласково и вопросительно смотрел на него, недоумевая, как мог столь грозный муж спуститься с начальственных высот в убогий кабинетик. Не иначе как с просьбой.

– А есть ли у вас... э-э... вино? – неуверенно спросил Шахов.

– Какое угодно? Портвейн, мадерца?.. А может, чего-нибудь легкого? «Каберне» или «Киндзмараули»?

– Шампанское имеется?

– Непременно. Вам сколько?

– Бутылку, одну... нет, лучше две.

– Какого изволите: сухого, полусухого, сладкого?

– Какого?.. Давайте сладкого. И... э...

– Закусить, – догадался директор.

– Именно. Шоколад...

– Плитки, конфеты?

– Лучше коробку конфет. У сотрудника день рождения...

– Понятненько, понятненько. Посидите минуточку. – И директор убежал. Но Шахов не сел. Он переминался с ноги на ногу, чувствуя неловкость. Его раздражали лакейский тон и подобострастие заведующего. Нет чтобы просто:

«Шампанское есть?» – «На, получи!» Конкретно, и по-рабоче-крестьянски!

Директор вскоре вернулся, неся в руках солидный сверток, причем упакованный таким образом, чтобы его удобно было положить в портфель.

– Сколько с меня?

– Ну что вы...

Лицо Шахова окаменело.

– Не понял!

Торгаш почувствовал свою ошибку.

– Сто двадцать три рубля пятьдесят копеек, – с легкой дрожью в голосе произнес он. Шахов достал бумажник, неторопливо расплатился и заглянул в глаза директору. Теперь он стал хозяином положения, и директор прекрасно это понимал.

– Никому, – тихо произнес Шахов, попрощался и вышел. Дорогой он, по чекистской привычке не доверять никому, решил посмотреть, что же в свертке. Кроме заказанного – двух бутылок шампанского и шикарной коробки конфет «Красная Москва», в нем находилась бутылка мадеры, три плитки шоколада разных сортов и приличный кусок копченой осетрины. Довершали натюрморт две коробки дорогих папирос «Кузбасс». Шахов решил вернуться, но, подумав, лишь плюнул в раскрытое окно.

Итак, к встрече все готово, оставалось дожидаться вечера.

Номер гостиницы, где предстояло свидание, был обставлен без роскоши, но солидно. В центре стоял покрытый скатертью круглый дубовый стол, на котором на стеклянном подносе в строгой симметрии высились графин и два тонких стакана. Имелись здесь и два массивных кожаных кресла, такой же диванчик,

платяной шкаф, на полу лежал потертый коврик, а за ширмой стояла просторная железная кровать, застеленная покрывалом.

Александр Кириллович, согласно правилам конспиративной работы, явился в номер загодя. Едва кивнув в ответ на приветствие швейцара, чекист поднялся на третий этаж, отпер дверь собственным ключом, затем уселся в кресло и достал из портфеля местную ежедневную газету «Социалистический рабочий». Он прочитал передовую «За дело, большевики стройки!», ознакомился с подборкой «Покончить с детской беспризорностью и безнадзорностью» и только принялся за заметку под заголовком «Спекулянты», как в дверь постучали.

Сердце у чекиста екнуло, и неожиданно засосало под ложечкой. На Шахова вдруг накатили такие чувства, которых он не испытывал с юности. Можно было подумать, что он влюбился.

Осторожно вошла гражданка Авдеева. Выглядела она испуганной и смущенной. На этот раз девушка приоделась. На ней было нарядное темно-синее в белый горох сатиновое платье в талию, очень шедшее к миловидному лицу, на ногах – черные туфельки на низком каблуке. Красавица да и только!

– Садитесь, – произнес Шахов. От волнения он перешел на «вы».

Аня неуверенно посмотрела на кресло, но осталась на ногах. Она расстегнула ридикюль[8 - Ридикюль – дамская сумка.], достала оттуда несколько исписанных листков и протянула Шахову.

– Вот.

У чекиста неожиданно пересохло во рту. Он облизнул губы.

– Что это?

– Как просили. Написала про Джона.

– Ах да. Ну, садись. – Он потянул к себе листочки, исписанные крупным, почти детским почерком. Уткнулся в них, ничего не видя. Девушка покорно села в кресло, подол платья немного задрался, и она судорожным движением быстро

оправила его.

– Расскажи своими словами...

– О чем?

– Да о Смите.

– Я все написала... – Она подняла глаза на Шахова, на лице ее появилась виноватая улыбка. – А можно как-нибудь иначе?

– То есть?

– Как сказать... без доноительства. Я на все согласна, только Джоника оставьте в покое. Он очень хороший!

– На что ты согласна?

Девушка покраснела так, что ярко засветились белки глаз.

– Спать могу с вами... Я же видела, как вы на меня смотрели. – Она неожиданно громко щелкнула замком ридикюля, и Шахов вздрогнул как от выстрела. Неожиданно ему стало очень стыдно. Александр Кириллович вскочил и заходил по номеру.

– Дура! – наконец нашелся он. – Как ты могла произнести такое, а еще комсомолка!

Девушка закрыла лицо ладонями.

«Не то я говорю, не то. Зачем лицемерю? Ведь я действительно хочу ее, – в смятении думал Шахов. – И не американец мне этот чертов нужен, а она». И вот теперь, когда желаемого так легко было достигнуть, мешала проклятая интеллигентская мягкотелость.

– Давай выпьем, – неожиданно предложил он.

Аня убрала руки с лица и удивленно посмотрела на него, а Шахов тем временем достал из портфеля шампанское и конфеты. Он неловко расковырял серебряное навершие бутылки, неумело стал возиться с пробкой. Наконец громко хлопнуло, и пробка ударилась в потолок. Девушка в испуге подпрыгнула.

– Что это?

– Шампанское. Никогда не пробовала?

Она отрицательно замотала головой.

– Вот и попробуешь. – Он доверху наполнил оба стакана, залпом выпил свой. Шампанское было теплое и сразу же ударило в голову. Шахов взглянул на Аню. Та осторожно отхлебывала вино мелкими глотками.

– Вкусное, – сообщила она, – и пузырится, как сидро. – Глаза девушки подернулись легкой дымкой.

Шахов пристально смотрел на нее. Похоть и жалость смешались в этом взгляде. Наконец первое чувство возобладало.

– Раздевайся, – приказал он.

Глаза девушки мгновенно прояснились. На этот раз в них читались злость и насмешка. Она молча двинулась к ширме.

– Нет, раздевайся здесь, передо мной!

Аня взялась за подол платья, но тут же отпустила, схватила со стола свой стакан и одним глотком допила его.

– Налей еще, – грубо попросила она. Шахов исполнил требуемое. Аня в два приема опорожнила стакан. Девушку качнуло. Она вновь взялась за подол и рывком стащила платье. Черные, короткие, спортивного фасона трусы и белый лифчик были, видимо, лучшим бельем, какое имелось в ее гардеробе. Значит, готовилась, идя сюда... уже знала... Ах, сука! Так кто же кого имеет: он ее или она его?

Аня расстегнула лифчик. Две большие белые груди с крупными коричневыми сосками, колыхаясь, выплыли на свет. Она стянула трусы, и желание как током ударило Шахова. Однако он не спешил, разглядывая стройное смугловатое тело, крутые бедра, плоский живот. Он вбирал в себя ее красоту, насыщался ею, сознавая свою власть и одновременно испытывая унижение. Она переиграла его. Хотя посмотрим.

– Ешь конфеты, – кивнул он на коробку.

– Не хочу я... Поскорее бы в койку.

– Ешь, кому сказал!

Аня подняла крышку, на которой был изображен Московский Кремль с сияющими звездами на башнях, взяла из ажурной бумажной чашечки фигурную конфету, откусила... И вновь глаза ее изменились. Теперь, несмотря на туман опьянения, они стали абсолютно детскими. Она сжевала конфету и тут же потянулась за следующей.

– Вкуснотища какая! Товарищ Сталин, наверное, каждый день такие лопают.

– Ты про товарища Сталина не заикайся, – одернул ее Шахов. – И что это за «лопает»?! Вожди не лопают, а вкушают.

Он поднялся, закрыл дверь на ключ и стал раздеваться.

В бутылке оставалось еще немного шампанского. Аня наполнила стакан и, поглощая конфеты одну за другой, запивала их вином. На Шахова она старалась не смотреть.

– Хватит жрать, иди ложись.

Девушка отправилась за ширму, а чекист засеменил следом.

Они лежали рядом, и Шахов гладил ее шелковистую кожу, теребил губами соски, водил пальцем по самым интимным местам. Время от времени Аня

вздрагивала, и по тяжелому прерывистому дыханию он понимал, что она тоже хочет. Но, странное дело, всякое желание у него пропало. Было ли тому причиной перевозбуждение или выпитое шампанское, но факт оставался фактом. Желание исчезло, осталась только резкая боль в мошонке.

Девушка вдруг заснула, она даже стала похрапывать, а Шахов продолжал гладить ее тело не в надежде снова возбудиться, а потому, что это было очень приятно.

Задремал и Шахов. Сколько прошло времени, час или полчаса, он не знал, а проснулся оттого, что рядом зашевелилась Аня. Он взглянул на девушку, та сладко спала, причмокивая во сне губами. Шахов поднялся и стал одеваться. Потом он достал из портфеля коробку «Кузбасса», задымил папирсой, хотя вообще-то курил крайне редко. Ему нужно было обдумать случившееся. Он так и не переспал с ней, хотя чувствовал, что сию минуту может без труда сделать это. Вот только стоит ли? Сейчас она доступна, вот только в доступности этой есть нечто... – он мысленно подбирал подходящее слово, – нечто блядское. И если раньше он лишь стремился насытить голодную плоть, то теперь ситуация стала иной. И не любви ему нужно, а просто чтоб его не боялись. Этого вполне достаточно.

Он встал с кресла и пошел будить девушку. Она вскинулась, видимо, в первую секунду не поняв, где находится.

– Одевайся. – сказал он. – Пора идти.

Пока Аня шуршала одеждой, Шахов вновь, как и до ее прихода, уткнулся в газету и до конца прочитал статейку о несознательных гражданах, спекулирующих на колхозном рынке обувью и мануфактурой. Она кашлянула, Шахов поднял глаза.

– И как же дальше?

– Ты о чем?

– О себе... и вас.

– Вот что... – Он взял со стола листки, повертел их, потом изорвал в мелкие клочки, бросил в пепельницу и поджег. – Вот что... Я больше не требую от тебя доносить на этого Джоника, но в отношении самого американца ничего тебе не обещаю. Лично мне он подозрителен, и по нему проводится оперативная работа. А что касается тебя...

– У нас как будто ничего не было, – перебила она Шахова.

– А ты хотела, чтобы было?

Она пожала плечами:

– Голова болит...

– Так хотела или нет?

Вместо ответа девушка почти бегом выскочила за дверь. Шахов для конспирации посидел еще минут пятнадцать, потом сунул пустую бутылку и початую коробку конфет в портфель и тоже покинул номер.

ГЛАВА 4

1

В Соцгороде имелось несколько кладбищ. Ближайшее к Шанхаю находилось километрах в трех правее него. Туда и направилась скромная похоронная процессия, состоявшая из родственников Вани и немногочисленных соседей. Под катафалк приспособили телегу, которую тащила тощая соловая кляча. Повозку и лошадь выделил конный парк.

На телеге стоял небольшой гробик из струганых досок, крышка лежала рядом. При каждом толчке на многочисленных кочках гроб подскакивал а вместе с ним подскакивало и тело мальчика, и создавалось впечатление: Ваня сейчас встанет

из гроба и спрыгнет с телеги. Так, во всяком случае, казалось Пантюхе. Отец пару раз сделал замечания коновозчику, чтобы вез поаккуратнее, но тот только вяло кивнул головой, украшенной унылыми усами.

По случаю похорон семейство, да и остальные присутствующие принарядились. Кочегар был облачен в длинный черный пиджак, похожий на сюртук, жена в строгом платье до пят повязала голову темным платком. К рубашке апаха соседа-машиниста была приколата траурная ленточка. Дети шли маленькой плотной группкой с серьезным выражением на отмытых лицах. Ничего толком не соображающая сестра Пантюхи и Вани, только сегодня приехавшая из пионерского лагеря, вертела во все стороны головой, словно не веря происходящему. Да и как тут поверишь. Стоял жаркий июньский полдень, над головой сверкало безоблачное небо, в котором беззаботно заливались жаворонки. Все дышало жизнью, а рядом была смерть.

Вскоре показалось кладбище, собственно, та же самая степь. Ни дерева, ни кустика не росло на нем, лишь торчало десятка три крестов да столько же металлических штанг со звездами на концах, а то и просто с железными табличками, на которых коряво были выведены электросваркой фамилия, имя, год рождения и упокоения. Захоронения на здешнем кладбище появились совсем недавно.

Процессия остановилась возле загодя вырытой могилы. Откуда-то появились два табурета. Гробик сняли с телеги и установили на них. Все топтались вокруг, словно не зная, что делать дальше. Пантюха залез на кучу вынутой из могилы глины, откуда происходящее было видно лучше всего. Ваня выглядел в гробу очень нарядно. Большая часть тела была укрыта простыней, грудь прикрывал венок, сплетенный из бумажных роз и хризантем. В ногах лежало несколько еловых веток и букетиков полевых цветов. Легкий ветерок лениво шевелил редкие светлые волосы покойника. Пантюха про себя отметил, что на лице Вани появился легкий румянец, которого при жизни никогда не наблюдалось, и вообще, брат вовсе не похож на страшных почерневших мертвецов, на которых Пантюха насмотрелся за свои малые годы в достатке.

Неожиданно мать издала протяжный нечеловеческий вой и бросилась к гробу. Она упала на грудь сына, обхватила его головку руками и голосила, голосила... Муж взял ее сзади за плечи и почти насильно оторвал от тела. Народ придвинулся к гробу.

– Что ж, прощай, сынок, – тихо сказал отец. – Мало ты, бедолага, пожил, мало добра видел. Сгубили тебя, уж не знаю кто, дикие гады или злые люди.

– Люди! – выкрикнула мать. – Вернее, нелюди!

– Спи спокойно, дорогой Ванюша, – закончил отец. – Ребята, подходите, прощайтесь.

Пантюха, увязая по щиколотку в глине, спустился со своего наблюдательного пункта и подошел к гробу. Он склонился над лицом брата, едва дотронулся губами до лба, и вдруг дикая мысль потрясла его сознание: братишка не умер, он просто, непонятно для чего, притворяется. Пантюха захотел сообщить об этом факте матери, но лицо ее было настолько ужасно, что он не решился.

Тем временем сосед и коновозчик подхватили крышку, накрыли гроб, стали забивать гвозди, и вскоре гроб опустили в могилу. Каждый бросил по горсти земли, и вот уже комья глины застучали по дереву. Могилу споро закидали землей, «в головы» воткнули железку со звездой и табличкой с надписью: «Иван Скворцов. 1927–1935».

К слову сказать, мать настаивала на деревянном кресте, но отец мягко воспротивился. Он заявил, что крест, возможно, поставят позже, когда посторонних рядом не будет. Ему – кандидату в члены ВКП(б) – негоже использовать в быту религиозные символы.

На партию кочегар возлагал большие надежды, поскольку больше всего в жизни хотел стать машинистом паровоза.

Над могилой бедного Вани вырос глиняный холм. Народ зашушукался, негромко заговорил, лица у людей оживились, всеобщее тягостное напряжение спало. На свет была извлечена бутылка водки, стеклянная четверть, именуемая в просторечии «гусь», с самогоном и пяток маленьких граненых стаканчиков. В качестве закуски были выставлены зеленый лук, редиска и небольшой тазик с оладьями. Народ дружно выпил за упокой души раба божьего Ивана сначала по капле благородного напитка, а затем и первача. Понемногу все развеселились, и только мать не прекращала непрестанно словно заведенная тупо повторять:

– Убили сыночка моего Ванюшеньку. Убили злые люди.

Среди тех, кто провожал мальчика в последний путь, находился и милиционер Хохлов, участковый того района, в который входил и Шанхай, – личность в своем роде примечательная.

Он был местный уроженец, казак, хотя появился на свет не в здешней станице, а в старинном городке Верхнеяицке, лежащем в полста километрах от Соцгорода. В Гражданскую воевал в красных отрядах братьев Кашириных, участвовал в знаменитом походе на Кунгур, а позже возглавлял один из отрядов ЧОН[9 - ЧОН – части особого назначения. Военно-партийные отряды, в начале двадцатых годов боровшиеся с контрреволюцией и бандитизмом.], носившихся по уезду и преследовавших недобитых белых и дезертиров. Хохлов – лихой рубака, отличался крайней недисциплинированностью и анархистскими замашками, а это многим не нравилось, и нужен был только повод для того, чтобы покарать смутьяна. И такой повод нашелся. В двадцать седьмом году по случаю десятилетия Октябрьской революции на самом верху вдруг решили увековечить память старейших членов партии, и тут всплыло дело Точинского.

Профессиональный революционер-большевик Павел Бартоломеевич Точинский еще в 1886 году создал социал-демократическую организацию «Товарищество санкт-петербургских мастеровых», довольно скоро разгромленную охранкой. На протяжении почти тридцати лет он вел партийную работу, не раз арестовывался, высылался и считался одним из виднейших соратников Ленина. В период революции судьба закинула его на Урал, в здешние места. В находившемся недалеко от Соцгорода рабочем городке Белореченске он возглавлял комитет РСДРП(б), являлся комиссаром Белореченского округа и был убит при невыясненных обстоятельствах, якобы в ходе контрреволюционного мятежа. Прибыла комиссия, стали разбираться. Неожиданно всплыл потрясающий факт. Точинского застрелил не кто иной, как Хохлов. И хотя Хохлов клялся, что произошло это совершенно случайно и тому есть свидетели, он загремел под трибунал.

Однако в ходе следствия всплыли еще более удивительные факты. Оказалось, что между председателем белореченского ревкома Точинским и прибывшими из Верхнеяицка удалыми братьями Кашириными вспыхнула распря, которую и разрешил выстрел Хохлова. Нынче Каширины занимали весьма высокие военные посты, но на еще более высоком посту находился товарищ Блюхер, тоже

причастный к этой истории. Короче говоря, дело замяли. Хохлова вычистили из партии и выгнали из органов. Помыкавшись некоторое время на разных незначительных должностях, он с горя начал пить и совсем опустился. Однако, на его счастье, рядом с Верхнеяицком началось гигантское строительство. Хохлов немедленно подался в Соцгород, благо здесь верховодили некоторые его знакомые еще по Гражданской войне и борьбе с бандитизмом. Друзья Хохлова не забыли, однако на руководящее места назначать опасались, хорошо зная, что органы ни о ком и ни о чем не забывают. Поэтому Хохлова определили в милиционеры, чему он оказался несказанно рад, получив в руки столь любимые власть и «наган».

Как уже отмечалось, на Шанхай милиции ходу не было. Это не относилось лишь к Хохлову: здоровенный красномордый мужик ростом под два метра нрав имел крутой, зуботычины для него были привычным делом, а в случае необходимости он, не задумываясь, вытаскивал «наган». Но, несмотря на буйный нрав, был человеком справедливым, без причины никого не обижал и пользовался в народе уважением.

Хохлову не давала покоя странная смерть Вани Скворцова. Поэтому он решил самолично разобраться в столь щекотливом деле. Когда гомонящая толпа – а именно в нее превратилась скорбная процессия – возвращалась с кладбища, он догнал идущего вместе с ребятами Пантюху и тихонько отозвал его в сторону. Узрев над собой громаду легендарного Хохлова, Пантюха заробел.

– Давай колись, – без предисловий начал милиционер.

– В чем это?

– Как все получилось... ну, с братом?

– Я уже десять раз рассказывал...

– Послушаем в одиннадцатый.

– Пошли мы, значит, за кисляткой... – и Пантюха монотонно стал излагать подробности происшествия. Он устал их повторять, поэтому говорил словно автомат.

– ... а потом Ваньку укусила змея... наверное, – довольно быстро закончил мальчик.

– Так укусила или нет?

– Доктор сказал: укусила...

– Ты сам-то веришь этой чепухе?

Пантюха уныло пожал плечами.

– Сорок лет здесь живу, – сообщил Хохлов, – а ни разу не слышал, чтобы гадючка кого до смерти закусала. Бывало, конечно, жалили. Но никто не помирал. Помню, товарища моего боевого, Гриньку Каленова, ужалила гадючка, так тот выдул штоф хлебного вина и оклемался.

– Ваш Гринька взрослый. А Ванька водки не пил...

– Понятно, что не пил, а все равно не верится.

– Доктор говорит: Ванька слабенький был, малокровный.

– Понятно, а ты сам здесь гадюк видал?

– Вроде нет, ящериц только...

– Вот и я говорю: в степи змей мало, если бы в лесу или на горах... Да и не жалят они сонных. Сказки это. Тут, видать, иное. Ты сам как думаешь?

– Отец меня лупил... матушка лупила... – невпопад промолвил Пантюха.

– Это плохо. Хотя, конечно, лупили тебя за дело. Бросил братишку...

– Я не бросал. Он сам...

– Что сам?

- От ребят отбился.
- А дальше, по-твоему, что случилось?
- Думаю, устал и пошел в поселок.
- А потом?
- Встретил кого-то, кто его...
- Убил?!

Пантюха кивнул.

- А зачем, как думаешь?
- Ребята болтали: есть такие люди... Как же называются? Садоводы, что ли? Нет, не садоводы, а наподобие... Вот они любят над детьми измываться. Для удовольствия. Режут малюток на мелкие кусочки...
- Но ведь на брате ран не имелось.
- А на шее? Вроде кусал кто-то или душил. И опять же я там в степи все облазил, потом отец прибежал... И ничего. А утром глядь – вот он, лежит... И рубашка куда делась? Змея, что ли, ее утащила? Убили его – это точно. В Шанхае убили. А ночью в степь унесли и на бугорок кинули. Натё, получите!
- Но зачем в степь-то утаскивать? Бросили бы где-нибудь в поселке или хоть на свалке.
- А следы замечали.
- Ну хорошо. Я все равно это дело так не оставлю. Буду разбираться и обязательно найду концы. Ты, если что узнаешь, мне скажи.

– Ладно.

3

В Шанхае не имелось улиц в привычном понимании этого слова. Землянки, хибары и временки громоздились в хаотичном беспорядке, словно неведомая сила играючи высыпала на землю горсть мусора.

Скворцовы проживали в засыпном домишке на две комнатки плюс крохотная кухонька. Стены засыпных домов представляли собой сколоченные из досок каркасы, пространство между которыми заполнялось землей. Крыша такого дома была выстлана толстым слоем дерна, летом на ней росла трава.

Скворцовы считались людьми зажиточными. У них имелись корова, телка, свинья, кролики и куры. Корова обитала в крохотном хлеву, свинья в собственном загончике, телка на жилой площади вместе с людьми, кролики и куры в поделенном надвое сарайчике. Обилие людей и животных на небольшом пятачке напоминало Ноев ковчег. Чтобы содержать такое количество живности, хозяйке нужно было день-деньской усиленно крутиться, добывая корма. Выводок Скворцовых-младших по мере сил помогал матери, собирая траву для кроликов, а также таская откуда удастся солому и сено. Казалось бы, имея столько живности, можно существовать очень неплохо, однако семейство питалось впроголодь. Только отец, занятый тяжелым физическим трудом, ел вдоволь. Молочные продукты и яйца шли на рынок, кролики туда же; ребятишки питались жидкой затирухой, постными щами и картошкой, которую семья Скворцовых, как и большинство жителей Соцгорода, выращивала на правом, незаселенном, берегу реки, а по осени ссыпала в погреб под домом.

Но сегодня по случаю поминок мать расщедрилась: зарезала пару куриц, наварила лапши, напекла с помощью соседок блинов, а из нескольких кроликов приготовила замечательное жаркое с картошкой. На «приусадебном» двореке накрыли стол, наспех сооруженный из козел и досок, соседи натащили разномастной посуды и сели поминать Ваню.

Общее настроение, как водится, было минорным. Постепенно, под влиянием вкусной еды, а главное, содержимого стеклянной четверти, народ оживился, и только родные Вани выглядели все такими же подавленными. Кочегар глотал чарку за чаркой, потом уронил голову на стол и зарыдал. Его подхватили под

руки и унесли в дом. Мать Вани угрюмо смотрела перед собой, ничего не видя и не слыша.

– Вот говорят, он слабенький был! – неожиданно выкрикнула она. – Да как же ему не быть слабеньким! В двадцать седьмом годе родила. Не доносила, думали, не жилец... Так и оказалось. Голодуха была страшная в нашей Саратовской губернии. Ладно, мужик мой, Петр, на станции на путях служил. А то бы вовсе сдохли, как, почитай, половина деревни. Но, видать, как на роду написано, так тому и быть. Не уберегла сыночка. А все вон тот, ирод! – Она ткнула пальцем в сторону Пантюхи, сидевшего на противоположном конце стола, отчего тот втянул голову в плечи.

Затравленное выражение не сходило с лица мальчика. Последние несколько дней оказались для него сущим адом. Отец даже не смотрел в его сторону, мать если и смотрела, то с откровенной злостью. И только старшая сестра, которую он любил больше остальных, несколько раз ободряюще улыбнулась в ответ на тоскливый взгляд, но и она в этой круговерти не смогла по душам потолковать с ним, поскольку приехала из пионерлагеря только сегодня. Даже шанхайские пацаны-приятели, казалось, избегали его.

Разговор за столом между тем вертелся вокруг смерти Вани. Большинство соседей скептически относились к официальной версии, но некоторые допускали ее вероятность. Стали рассказывать о коварстве гадюк, которые подползают к сонным людям и жалят в яремную вену на шее.

– Первое средство от змеюк такое, – начал повествовать подвыпивший сосед-машинист. – Я в Туркестане в Гражданскую служил, знаю... Если человек ложится спать в пустыне или, скажем, в степи, то обязательно вокруг себя веревку из овечьей шерсти кругом кладет. Через нее ни одна змеюка не переползет – ни гюрза, ни аспид.

– Никакой это не гадюк, – неожиданно изрек старик-татарин Валитов, весьма уважаемый в Шанхае, особенно среди мусульманской части его населения, человек.

– А кто?! – грохнул кулаком по столу машинист.

– Это убирлы карчыг. По-русски, ведьма. Она кровь мальчик выпил.

За столом повисло тягостное молчание. Каждый про себя обдумывал сообщение старика.

– Ведь-ма, – произнес нараспев машинист и вторично ударил кулаком по столу. – Где она, эта ведьма, Ахмедка? Покажи?

– Теперь нужно осторожно, – не обращая внимания на машиниста, продолжал Валитов. – Если уж пришел один раз, и другой раз придет.

Поминки продолжались до самого вечера. Уходили одни, приходили другие... Каждый приносил с собой какую-то еду, если не закуску, то выпивку. Уж и хозяев не было за столом: отец забылся в тяжелом пьяном беспамятстве, мать, сломленная горем и усталостью, не раздеваясь, на минутку прилегла на топчан, да так и уснула. Некоторое время подле стола бродила Наташа, но и она вскоре уgomонилась. На улице остался только Пантюха. Он бесцельно бродил по двору, останавливался возле стола, на котором громоздились грязная посуда, пустые бутылки, захватанные стаканы, валялись дочиста обглоданные куриные и кроличьи косточки. Обьедков практически не имелось, не считая нескольких хлебных корок. Пантюха собрал кости и отнес их собаке. Потом в хлеву жалобно замычала недоеная корова. Мальчик растолкал сестру, и та, сонно зевая, отправилась в хлев, загромычала там ведром. Пантюха тем временем накормил остальную живность и присел у стола. Вышла сестра, взглянула на брата, приостановилась, как будто решив присесть рядом, но усталость, видно, пересилила. Она махнула рукой и отправилась в дом.

Почти совсем стемнело, лишь на западе небо продолжало едва заметно светиться. Из-за сараев выплыла громадная красноватая луна. Почему-то стало еще темнее. Мрак повис над Шанхаем.

Пантюха, пригорюнившись, сидел на лавке и думал. Горькие мысли одолевали его. С одной стороны, он действительно ощущал на себе огромную вину, с другой – был потрясен несправедливостью и бездушием со стороны окружающих. Ну, виноват! Нет спору. Так ведь не специально. Он вовсе не хотел погубить Ванюшку. И страдает он не меньше остальных. Как все же злы взрослые! Свои горести и проблемы без зазрения совести перекладывают на плечи детей. Может, просто не любят? Скорее всего так оно и есть. В последние дни он не услышал ни одного ласкового, да хотя бы просто ободряющего слова. Только брань и тычки. Где же выход?

Ваньке хорошо, он ушел из мира злобы и подлости. Интересно, где он сейчас? Может быть, на небе рядом с боженькой? Смотрит на братика и льет ангельские слезки. При жизни ему тоже доставалось. Шанхайские пацаны обижали... и родной брат поколачивал, случалось.

– Прости меня, милый братик Ванюша, – чуть слышно произнес Пантюха и заплакал. Слезы немного облегчили душу и одновременно ожесточили ее. Как бы отомстить родителям? А что, если тоже... умереть? Вот тогда они зарыдают. Пантюха представил, как по нему тоже справляют тризну, и ехидно усмехнулся. Хотя что в этом хорошего? Отец опять напьется, мать будет выть. Не проще ли сбежать, куда глаза глядят? Вот, говорят, есть такой остров Крым, там всегда тепло, на деревьях растут разные диковинные фрукты: яблоки и еще какие-то... Рви и лопай даром. Однако и тут заковыка. С беспризорниками нынче строго, не то что раньше. Старшие ребята рассказывали: снимают пацанву с поездов и сразу же в спецприемник, а потом в колонию. А в колонии нравы – как в тюрьме. Бьют все: и свои, и чужие, не разбирают – большой, маленький... Нет, дома все же лучше.

Внезапно небо озарило яркое огненное зарево, затмив даже свет луны. С минуту небо полыхало вселенским пожаром, потом зарево померкло. Пантюха прекрасно знал природу данного явления: на отвалы сливали шлак, оставшийся после доменных и мартеновских плавов. Дело привычное. Скорее бы стать взрослым, пойти на завод, зарабатывать деньги. Тогда можно жить как душе угодно, ни на кого не обращая внимания. Родители ни родители: деньги есть – живи не тужи.

Луна между тем поднялась довольно высоко, и ее сияние озарило все вокруг. Серебристая мгла окутала жалкие строения, покосившиеся заборы, чахлые кусты сирени – весь этот убогий нищенский быт придавленных жизнью людей. Лунный свет сделал все вокруг нереальным, призрачным...

Устав от дум, Пантюха уже решил отправиться спать, как залаяла их собака.

Видать, кто-то прошел вдоль забора, решил мальчик и прислушался.

Жук вновь издал лай, но какой-то странный: неуверенный и одновременно злобный.

– Эй, кто там?! – крикнул Пантюха. Никто не отзывался.

Собака вдруг громко и тоскливо завyla, и мороз пробежал по коже мальчика. Он вскочил и бросился к забору. Пусто. На кого же это она?

– Заткнись, Жук! – прикрикнул Пантюха на собаку, однако та продолжала протяжно выть, но вдруг, словно подавившись, смолкла, и тут Пантюха различил: поодаль у хлева кто-то стоит. Он пригляделся: похоже, пацан. Откуда? В детской фигурке присутствовало нечто чрезвычайно знакомое. Пантюха захотел окликнуть пацана, но внезапно понял, кто перед ним. Он замер, не в силах пошевелинуться. Дыхание перехватило, тело словно сковало лютым морозом. Ни крика, ни шепота не способны были издать помертвелые губы.

Фигура у хлева тоже стояла неподвижно и вроде глядела на него. Сколько так продолжалось: пять минут, полчаса, час... Пантюха не знал.

На луну набежали тучки, вдали гроыхнуло.

Ступор неожиданно прошел, и Пантюха со всех ног кинулся в дом. Он захлопнул дверь, задвинул щеколду и, привалившись спиной к двери, вновь замер в томительном ожидании. Ничего не происходило. Пантюха поднялся, миновал сени и вошел в кухню, решив посмотреть в окно, что происходит во дворе.

С обратной стороны прямо к стеклу прилипло мертвое лицо брата.

Волосы у Пантюхи мгновенно встали дыбом, в голове что-то щелкнуло и взорвалось, колени подогнулись, и он сполз на пол, однако сознания не потерял, продолжал неотрывно глядеть на окно. Мертвец поскребся в стекло. Пантюха отчетливо видел, как рот его открылся, словно пытаясь что-то сказать. Пантюха скорее прочитал по губам, чем услышал слово «Пусти».

Отвернувшись от окна, мальчик на коленях пополз дальше в комнату и забился под топчан, на котором храпел отец. Сознание отключилось, и только два слова непрерывно повторялись в мозгу: «Что делать? Что делать?» Он вдруг вспомнил, что от нечистой силы помогают молитвы, но поскольку не знал ни одной,

зашептал: «святой истинный... помилуй нас...»

В оконное стекло осторожно заскреблись, потом тихонько постучали.

Что же делать?! Разбудить мать, отца?.. А может, Ванюшка вовсе и не мертвец? Может, просто заснул, а сейчас очнулся, вылез из гроба и пришел домой? Он вспомнил рассказы о подобных случаях, якобы происходивших довольно часто, однако совершенно забыл, что брата вскрывали в морге. Да и как восьмилетний мальчишка мог преодолеть двухметровый слой земли над гробом?

В окошко по-прежнему упорно скреблись. Пантюха вылез из-под топчана и опять пошел на кухню. Ужас как будто отпустил его, уступив место состраданию. Да состраданию ли? Мальчика словно тянула к окну темная могучая сила. Он вновь поднял взгляд на стучащего. Глаза их встретились.

– Пусти, брат, – отчетливо прозвучало в мозгу у Пантюхи. Почти не соображая, что делает, он пошел в сени и отодвинул щеколду.

Брат появился на пороге, и в нос Пантюхе ударил запах сырой земли.

– Ты живой? – еле слышно спросил он у Вани.

Вместо ответа тот протянул свои ручки к брату и обнял его. Тело было ледяное, изо рта шла волна жуткой вони. Пантюха понял: он совершил непоправимую глупость, и тут зубы мертвеца вонзились ему в горло.

ГЛАВА 5

1

– Вот и на нашей улице праздник! – радостно воскликнул дядя Костя, глядя на уставленный недоступными обычно яствами стол. На щербатых, покрытых сеткой трещин, разномастных тарелках лежали кружочки копченой колбаски, ломтики швейцарского сыра, окорок, нарезанный кусочками на толстом листе

бумаги, шпроты и даже два апельсина.

Здесь же стояли две бутылки: водка и херес.

– Каков натюрморт! А, ваше сиятельство? Как в доброе старое время. Как тяжело, однако, существовалось бы, если бы в нашей великой стране не имелось торгсинов[10 - Торгсин – Всесоюзное объединение по торговле с иностранцами. В 20—30-х годах сеть магазинов закрытого типа, в которых торговали промышленными и продовольственными товарами повышенного спроса, в качестве оплаты принимая у населения валюту, драгоценные металлы, предметы антиквариата. Просуществовали до 1 января 1936 года.]. Вот он – развитой социализм с человеческим лицом.

– Часики снесли? – поинтересовался Фужеров.

– Да, куманек, великолепный «Мозер», который я давеча выиграл в карты у какого-то армянского купца. И вот ведь мерзавцы, уплатили мне как за золотой лом, не учитывая подлинной стоимости вещи. Я уверен, часы перекочевали в карман какого-нибудь местного дельца.

– Сомневаюсь. Сейчас с золотом строго. Подрыв экономической мощи страны. За это полагается высшая мера социальной защиты.

– Да, собственно, какая разница. Хватило на одноразовое великолепие – и слава богу. Там, глядишь, вновь подвернется какой-нибудь фраер. Онова живем. Как говорил мудрец: все свое ношу с собой. С вещами нужно расставаться без вздохов.

– Расстались еще в семнадцатом году, – хмыкнул Фужеров.

– Не печальтесь, куманек, все, что ни делается, к лучшему. Относитесь к жизни проще.

– Да куда уж проще.

– Садитесь за стол. Отметим, так сказать, наши отпуска. Детский садик отправился на дачу в деревню Очаги, а меня вот не взяли, там свой сторож

имеется – дядя Миша. Вы, как я понимаю, отгуливаете календарный...

– Вычистят скоро, – вздохнул Фужеров, – как социально чуждого элемента...

– Ничего, куманек. Держитесь за меня. Не дам же я пропасть потомку славных королей. Проживем, благо осталось не так уж много времени коптить небеса. Вам чего налить: водочки или хересу?

– Пожалуй, хересу.

– Узнаю аристократа. А я вот родимой отведаю.

Старики молча чокнулись и принялись за еду.

– И все-таки благое дело эти торгсины, – заявил дядя Костя, пережевывая кусочек семги.

– Прикроют их скоро, – заметил Фужеров. – Чтобы не создавать в обществе нездоровых влечений к буржуазному образу жизни. А у кого золотишко осталось, так отберут... На основании закона о валютных операциях.

– Очень может быть. Но нам-то какое дело? Как выражался ваш предок: «После меня хоть потоп». Это пусть молодежь волнуется.

– Молодежь нынче строит социализм.

– И построит?

– Очевидно. А иначе зачем все затевать?

– Да уж, затейник у нас великий. Куда там Ваньке Грозному или Петрухе. Мелковаты оказались против нынешнего. Разве можно сравнить разгром Новгорода или строительство северной столицы с коллективизацией или индустриализацией. Всю Расею-матушку на дыбки поставили.

– А я думаю: большевики решили вывести совершенно новую породу людей, – заявил Фужеров, вновь наполняя рюмки.

– Это уж точно.

– Нет, не в фигуральном, а в прямом смысле.

– То есть как?

– А так, Константин Георгиевич! Самым натуральным образом. Мечты розенкрейцеров о создании совершенно иного человека, лишенного отягощающих разум комплексов и фобий или этой химеры, именуемой моралью, похоже, скоро осуществляться.

– Ах, оставьте ваши мистические бредни, лучше закусывайте.

– Нет, послушайте. Возьмем для примера хоть наш городок. Обратите внимание на его население. Кого здесь только нет! Русские, украинцы, татары, евреи... Каждой твари по паре.

– Даже французы в вашем лице. Я знаю национальный состав обитателей Соцгорода, переходите к сути, куманек.

– Не перебивайте. Так вот. Большинство здешнего населения прибыло сюда не по своей воле.

– Да уж...

– И сейчас в городе полно спецпоселков. Там живут семьями, рожают детей – короче, размножаются. Со временем они станут полноправными гражданами...

– Если, конечно, выживут. Не пойму, куда вы клоните.

– Сейчас большинство национальных групп живут обособленно, но близок тот час, когда они начнут перемешиваться. Возникнут многонациональные семьи...

– То есть произойдет всеобщая метизация?

– Вот именно. Вы не хуже меня знаете о продуктивности метисов. Вспомните: на лошадиные скачки коней-метисов не допускали, поскольку они резвее чистокровных рысаков.

– Ну, допустим.

– Значит, метис работает намного эффективнее?

– И что?

– Идем дальше. Кто эти люди, которые сосланы или просто сбежали сюда, чтобы не подвергнуться репрессиям? Так называемые кулаки, то есть наиболее энергичная, предприимчивая часть сельского населения, не желавшая жить, как окружающие. Они работали больше других, а значит, и имели больше. Их раскулачили, согнали с насиженных мест и бросили в голое поле. Они раздавлены, унижены, обескровлены, но жизненная энергия, сформировавшаяся за счет естественного отбора, осталась. Вы посмотрите на них. Большинство – физически крепкие, здоровые люди. Каждый второй – красавец. Естественный отбор, батенька, естественный отбор! Да, сегодня на их лицах тоска и тупое равнодушие. Да, они согнуты непосильным трудом, но это пока. Завтра они получат свободу, а их дети свободны уже сегодня. И вновь спины разогнутся и лица просветлеют.

– Ну и что?

– А то! Вот вам, так сказать, физическая составляющая нового человека. А теперь о психологической. Как я уже говорил, в результате длительного естественного отбора формируются определенные физические качества, а нынче происходит искусственный отбор. Свободомыслие, сопротивление властям жестоко карается. Значит, чтобы выжить, нужно затаиться, молчать... Это властям и требуется. Пораженный страхом человек и детям своим передает этот страх. Физически сильный, грамотный, но покорный народ – вот к чему стремятся большевики. Не зря сейчас такое значение уделяют физкультуре как выходу дополнительной энергии у молодежи.

– Да какая же это новая порода? – засмеялся дядя Костя. – Это просто рабы.

– Нет. Раб трудится на хозяина. А нашим внушают, что они трудятся на себя. Для всеобщего благоденствия. Да ведь так оно и есть. Хозяева-то отсутствуют.

– А партия большевиков?

– Да разве это хозяева?! Вспомните местного партийного божка, секретаря горкома Логидзе. Чуть подул ледяной ветер в его сторону, он не раздумывая застрелился. И правильно сделал. Уж лучше одним махом покончить с жизнью, чем дожидаться, пока из тебя сделают мешок для битья. А на самом верху? Все эти Троцкие, Каменевы, Зиновьевы, Кировы... Где они теперь? Иных уж нет, а те далече. А ведь были первыми людьми в государстве. Есть только один хозяин.

– Но и он не вечен.

– Да, не вечен. И прекрасно это понимает.

– Но ведь, если следовать вашей логике, вокруг него не останется сильных личностей, одна мелкотня. Кому же он передаст власть? Сыну, что ли, как государь-батюшка?

– Не знаю. Я думаю, его это не особенно волнует. Он – человек идеи. А коль вы любите цитаты, напомним еще одну: «Жизнь – ничто, идея – все». Наш вождь не стремится к роскоши. Думаю, в быту это самый обычный человек. Власть для него – исключительно возможность осуществить задуманное и построить рай на одной шестой земного шара. Пускай для этого придется уничтожить остальные пять шестых. Вы же видели, как растет картошка. Чтобы получить хороший урожай, нужно ее окучивать, поливать, выпалывать сорняки. Точно так же и общество. С сорняками нужно бороться, с сорняками! Тогда и картошка будет хорошей и вкусной.

– Н-да, после ваших речей кусок в горло не лезет, – заметил дядя Костя и опрокинул очередную рюмку. – И все же вы противоречите самому себе. Вот говорите: всеобщая грамотность... Но ведь грамотный человек так или иначе осознает свою рабскую зависимость от государства.

– Повторяю: селекция, только селекция. Инакомыслящих вон! Все помыслы народа в русле единой идеологии. «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» или «Мы – русский народ!» – это уж как пожелают правители, но только единомыслие, никаких разночтений.

– По вашей концепции получается нечто вроде Вавилона. Рабский труд и смешение языков. А Соцгород – Вавилонская башня... А башня, как известно...

Но дядя Костя не успел закончить свою мысль. Дверь с шумом распахнулась, и на пороге возник милиционер Хохлов.

2

– Ну вот, дождались, – без особого испуга сказал дядя Костя. – Вавилоняне, они же халдеи, тут как тут...

– Гуляете, – вместо приветствия сказал милиционер.

– Имеем право, согласно конституции, – отозвался Фужеров.

– И неплохо, я смотрю, гуляете, – с уважением заметил Хохлов, разглядывая богатый стол. – Может, позвольте присесть?

– Табурет в сенях, – спокойно сообщил дядя Костя.

– Мы люди не гордые, – сказал милиционер, – сами принесем, сами присядем. – Он опустился на табурет, явственно затрещавший под ним. – По какому случаю пируете?

– Отмечаем трудовые отпуска, – сообщил Фужеров.

– Законный повод. А откуда такое великолепие? Вроде в нарпите подобной шамовки не купишь.

– Так то в нарпите, а в торгсине пожалуйста, – отозвался дядя Костя.

– Богатые люди! Уважаю, хотя и не приветствую. Может, угостите по случаю знакомства?

– Мы в знакомые не набиваемся, – хмыкнул дядя Костя. – Да и вы, наверное, при исполнении.

– Ради такого случая нарушу инструкцию. – Хохлов потянулся к полупустой бутылке водки. Дядя Костя молча подвинул стражу порядка стакан.

– Ну, будем знакомы! – громко сказал милиционер, одним глотком выдул водку и взял заскорузлыми пальцами кусочек сыра.

– Вас как величать, уважаемый? – спросил дядя Костя.

– Кузьмой Ивановичем.

– Очень приятно. Так зачем пожаловали, Кузьма Иванович? Неужто проверять, чем мы питаемся? Так на то есть домком... поселком... черт его знает, кто еще.

– Да боже упаси! Я по другому вопросу. Вы, говорят, с нечистой силой знаете? – обратился он к помалкивавшему до сей поры Фужерову.

– Чего?! – вытаращил тот глаза.

– Весь Шанхай гутарит.

– Да как же вы, представитель власти, наверное, коммунист, можете предполагать такое?! – скрывая иронию за нарочитой серьезностью, спросил дядя Костя.

– Вы, товарищ дорогой, спасибо вам, конечно, за угощение, насмешки строить не можете. И про вас нам тоже кой-чего известно. Так что сидите и не рыпайтесь. Разговор пойдет серьезный. Так знаете или не знаете? – вновь обратился милиционер к Фужерову.

– Я, собственно, не понимаю...

- В поселке толкуют: имеется, мол, питерский барин высланный, он в колдовстве дуже разбирается. Вот я и спрашиваю: так это или не так?
- А что случилось?
- Нет, вы мне толком ответьте.
- Да как сказать... Ну, допустим, немного понимаю. Только не в колдовстве, а в мистике... Сюда же, собственно, можно отнести колдовство.
- А вот я не понимаю, – вновь встрял дядя Костя, – зачем Кузьма Иванович нам голову морочит. А вам, куманек, стыдно на себя наговаривать. Какое колдовство может быть в советское время да еще в социалистическом городе?! Что за вздор! Если пришли нас проверять, проверяйте. И вообще, говорите по делу!
- Я и толкую по делу. Тут вот какая история, – не обращая внимания на гнев дяди Кости, спокойно продолжал Хохлов. – С мальчишкой этим... Скворцовым.
- Который умер? – спросил Фужеров.
- Вот-вот. Ходит он по ночам...
- К кому ходит? – изумленно вытаращился Фужеров.
- К родне своей... Люди видели...
- А вы сами?
- Я – нет. Но ведь говорят.
- Кто говорит?! Бабки полоумные! – опять вступил дядя Костя. – Вы, товарищ милиционер, в какое время живете? На дворе вторая пятилетка. В двух шагах дает металл стране промышленный гигант, а вы утверждаете, что покойники по дворам шастают. Да в своем ли вы уме?!

– Молчать, гада контрреволюционная!!! – заорал Хохлов и так треснул кулаком по столу, что стоявшая на нем посуда подпрыгнула, а одна тарелка упала на пол и разбилась. Дядя Костя едва успел подхватить бутылки. – Я не с тобой разговариваю!!! Вы меня уж извините, гражданин хороший, – вновь обратился милиционер к Фужерову совершенно иным, искательным тоном. – Мне всего лишь требуется разъяснение, возможен сей факт или нет? Потому как я в горотделе у одного спросил, так тот на меня как на дурака выверился. И к врачу знакомому ходил, интересовался – та же история. Теперь вот вы. Что же мне, к старухе Салтычихе идти, к ведьме этой? Так я ее в прошлом месяце оштрафовал и самогонный аппарат у нее изъял. Не будет она со мной гутарить, да к тому же темнота. А вы, сразу видать, человек ученый. Интеллигент. Прошу разъяснить. А тарелку взамен разбитой я вам принесу. И сала принесу. Не сомневайтесь.

– Хорошо, – поморщился Фужеров, – расскажите толком.

– Слышали, наверное, про мальчишку. Дней десять назад схоронили. Вроде змеючка его укусила. Я, правда, не верил... Ну ладно. Схоронили мальчика, поминки справили... Все честь по чести. А я сильно сомневался: не может змеючка до смерти закусать, да и рана на змеиный укус не похожа. Ладно, думаю, разберемся. И вот мне докладывают, будто этот парнишка, как вы выразились, – обернулся милиционер к дяде Косте, – шастает по ночам домой. Думаю, враки, бабские сказки. Понятное дело, поверить трудновато. Раз сказали... два сказали... я в понятие не войду. Кто слухи пускает, а главное, зачем? Может, контрреволюция? Информаторы надежные, зря брехать не станут. Ладно, пошел к Скворцовым. Вижу, явная буза. Сам хозяин сказался больным. Остальные тоже вроде не в себе, но веселые. Мамаша ихняя прямо сияет от радости. Казалось бы, с чего? Спрашиваю – молчат. И даже не это странно. Скотина не кормлена, корова мычит, свинья из загона вырвалась и куда-то сбежала. Собака исчезла, одна цепь валяется на земле. А эти Скворцовы сидят в доме и на хозяйство глаз не кажут. Не могу сие объяснить! Ведь такие рачительные хозяева. Все в дом, все в дом... Как же понять? Может мальчишка из могилы вставать?

– Даже не знаю, – неуверенно произнес Фужеров, – что и сказать. Вообще-то такие случаи известны.

– Были, что ли?!

– Вроде имели место.

– Я так и знал! Еще до революции, пацаном совсем фильму видел в кинематографе. Называется: «Вампиры». Как сейчас помню. Там тоже...

Дядя Костя захохотал:

– Ну, вот и договорились. Конечно, Скворцовы– вампиры. А как же иначе? Иного и быть не может.

– Нужно наглядно убедиться, ходит или не ходит, – веско произнес Фужеров. – И тогда расставить все точки над «і».

– Я и сам думал... – озадаченно сказал Хохлов. – да место там больно неудобное. Не спрячешься толком. Плетни эти... Хотя попытать удачу стоит.

– Я могу пойти с вами, – осторожно вымолвил Фужеров.

– Идиот, – пробормотал дядя Костя.

– Это кстати, – обрадовался Хохлов. – Сегодняшней ночью и спытаем, кто там шастает. А пойдем, дорогой товарищ ученый, глянем на диспозицию. Произведем, так сказать, рекогносцировку.

Фужеров поднялся.

– Не ходите, куманек. Жалеть потом будете.

– Да ведь интересно, – возразил дяде Косте Фужеров. – Представился случай, о котором я всю жизнь мечтал. Вступить в прямой контакт с инфернальным.

– Ну, как знаете. Не смею удерживать.

– И правильно, – встрял Хохлов. – Они ведь не малое дитя.

Идти к дому Скворцовых пришлось задами. Перепрыгивая через канавы и спотыкаясь о разный хлам, Фужеров несколько поостыл в своем стремлении лицом к лицу встретиться с нечистой силой. До сих пор он не имел никаких дел с властями, а теперь вот поддался на провокацию и дал себя уговорить. Милиционер не производил впечатления умалишенного и вряд ли собирался морочить ему голову, но человек он был простой, хотя употреблял военное словечко «рекогносцировка». И, по необразованности, верил всякой чепухе.

А может, не чепухе?

Хохлов шагал впереди, неукротимый, как Голиаф, сапогами отбрасывая с пути всякую дрянь, и изредка чуть слышно чертыхался.

– Пришли наконец, – сообщил он, обернувшись к Фужерову. – Вон видите плетень? За ним хозяйство Скворцовых. Глядите, на дворе ни души. – Он огляделся. – Спрятаться здесь мудрено.

– Это сейчас, а ночью никто не заметит, – сказал Фужеров. – Кстати, где у них вход в дом?

– Калитка с другой стороны, а дверь – вон она. Если кто и приходит, то только через нее. Не в окно же лезть. Но в потемках разве разберешь... Так и так, что-то делать придется. Я мыслю, все равно точку, как вы выразились, поставить нужно. – Хохлов выразительно похлопал по кобуре с «наганом». И Фужеров еще раз пожалел, что связался с этим человеком.

– Вот тут и схоронимся, – Хохлов указал рукой на закуток между двумя заборами, – самое место подходящее, и дверь входную видно.

– Но ведь в потемках ничего не разберешь.

– Нынче полнолуние. Светло как днем. Если кто сунется, хоть как засечем.

– Так это если в дверь.

– А как же еще?

– Вампиры имеют обыкновение превращаться в летучих мышей.

– Чего?!

– Вы, Кузьма Иванович, хоть понимаете, с чем связываетесь?

– Как это?

– Ну, если действительно сюда ходит оживший мертвец. Это и не человек вовсе, а нежить, исчадие тьмы. Его из «нагана» не прикончишь.

– А как же тогда?

– Существуют различные методики...

– Методики-периодики... – передразнил Хохлов. – Вы что же, любезный, думаете, я с мальчонкой не справлюсь? Э-э, нет! Плохо знаете старого казачину Кузьку Хохла. Я таких орлов обламывал, какие вам и в дурном сне не привидятся. А тут пацан сопливый. И не нужно мне гутарить про мертвяков. Я их столько перевидал, что иному на десять жизней хватит. Сам, бывало, в «штаб Духонина» пачками отправлял. – Он зловеще усмехнулся. – Ладно, чего до поры базары разводить. Главное, увидеть его, а там посмотрим. А покуль вертаемся назад. Я, как стемнеет, за вами забегу.

Часов в одиннадцать вечера Хохлов вновь появился. Дядя Костя к тому времени уже храпел, а Фужеров, дожидаясь милиционера, пытался читать при свете керосиновой лампы и все больше сожалел, что впутался в авантюру.

Дядя Костя пилил своего компаньона весь вечер. Каких только эпитетов – насмешливых, злых и вовсе бессмысленных вроде «рыцарь, лишенный наследства» – не было произнесено, однако Фужеров остался непоколебимым. Слово дворянина священо.

Поглумившись еще некоторое время, дядя Костя лег спать.

Хохлов высился на пороге, словно гранитная глыбища. Облаченный в брезентовую плащ-палатку до пят с наброшенным на голову капюшоном, он сам напоминал выходца с того света, пришедшего по чью-то грешную душу.

– Готов? – спросил он. Голос из-под капюшона звучал глухо и сумрачно.

Фужеров кивнул.

– Тогда вперед.

Они вышли на улицу. Сумерки сгущались, и Шанхай постепенно погружался во тьму. На редких поселковых фонарях горели тусклые лампочки, дневная жара спала, потянуло прохладой. Атмосфера в поселке менялась в зависимости от направления ветра. Если ветер дул со стороны завода, то над Шанхаем стоял тяжелый удушливый смрад промышленных выбросов, но в этот раз индустриальные ароматы перебивал исконный сельский дух: смесь запахов парного молока, навоза и свежей травы.

– Шагайте за мной, тютелька в тютельку, – сказал Хохлов, – а то сверзитесь в буерак. – Они вышли на зады и двинулись вдоль заборов. Милиционер шел медленно, по-медвежьи переваливаясь, но при этом так легко, словно и не было в этом мужичине шести пудов веса. Фужеров, напротив, двигался как-то неуверенно, поминутно спотыкаясь, а один раз и вовсе чуть не упал, не подхвати его вовремя обернувшийся Хохлов.

– Аккуратнее, а то всех поселковых кобелей перебудите, – шепотом попросил он.

Наконец достигли места засады. Фужеров не представлял, каким образом Хохлов так здорово ориентируется в этих трущобах. Милиционер между тем, сбросив свой замечательный плащ, расстелил его на земле.

– Ложитесь, – скомандовал он Фужерову.

Чувствуя себя последним дураком, тот кряхтя кое-как опустился на брезент и вытянулся во весь свой не маленький рост. Лежать было страшно неудобно. Под тканью плаща находились не то мелкие камешки, не то сучки, которые больно впивались в тело. Рядом, пыхтя, улегся Хохлов. Некоторое время он

переваливался с боку на бок, устраиваясь поудобнее, наконец на некоторое время затих, но сопеть не переставал. Так они молча лежали некоторое время, потом Хохлов приподнялся на локте и извлек алюминиевую фляжку, в которой плескалась какая-то жидкость.

– Может, хлебнете? – предложил он.

– А что это?

– Да первачок.

Фужеров отказался.

– Ну, как знаете. – Судя по звуку, милиционер сделал основательный глоток и тут же смачно зачавкал. Запахло копченым салом и чесноком. Фужеров сглотнул слюну и отодвинулся, в результате очутившись на голой земле, где лежать и вовсе было неудобно.

«А, черт с ним, – решил про себя Фужеров. – Наверное, необходимо выпить и мне».

– Давайте ваш самогон, – прошептал он. На ладонь легла фляжка. Фужеров отхлебнул и закашлялся, однако тут же получил мощный удар по спине. Фляжку у него тотчас отобрали, зато вручили кусок хлеба с толстым ломтем сала.

– Жуйте шибче, – произнес вполголоса милиционер, – а то самогонка у вас поперек дышалки встала.

Фужеров последовал совету и неожиданно ощутил, что почти счастлив. Сладкое, неясное чувство охватило его рыцарскую душу. Умиление, легкая грусть и покой. Бесконечный умиротворяющий покой. Замечательная все-таки вещь – алкоголь!

Фляжка вновь забулькала где-то над ухом. Еще один глоток...

– А хороша нынче луна, – неожиданно изрек Хохлов. – Прямо-таки полыхает.

– Светит, да не греет, – отозвался Фужеров и сам изумился идиотизму собственных слов.

– А вот если бы грела, – заметил Хохлов, охотно поддерживая беседу, – то какая урожайность могла бы быть.

– Какая урожайность?

– Озимых и яровых. Все бы росло в два раза быстрее. Ведь так?

Фужеров издал неопределенный звук, не то соглашаясь, не то отрицая предположение своего собеседника.

– А тогда и урожай был бы в два раза больше, – продолжил Хохлов агрономические наблюдения. – А коли хлебушка в достатке, и народу жить легче. Ведь так?

– Наверное.

– Не наверное, а точно! А коли так... – Он сделал паузу, всмотрелся в сторону дома. – Тишь какая. Ни огонька. Чего они в потемках там делают?

– Наверное, спят.

– Хорошо бы.

Где-то вдалеке заголосили собаки. Их остервенелый, злобный лай вдруг сменился длинным тоскливым воем.

– Непонятно брешут, – заметил Хохлов. – Как на волка... И стервенеют, и боятся одновременно. На кого бы это? А может, наш пожаловал?

Похоже, предположение было не лишено оснований. Собачий лай шел как бы по цепочке. Замолкали одни, начинали другие.

– Брех приближается, – сказал Хохлов. – Гостюшка где-то рядом. Подбирается к дому, зараза!

– Неужели вы всерьез верите?

– А вот сейчас и узнаем. Да вот он!

В полумраке Фужеров различил, как худенькая детская фигурка мелькнула у забора и направилась ко входу в дом. Скрипнула дверь, и фигурка исчезла.

– Двигаем туда, – громко произнес Хохлов.

– Погодите. А если это просто какой-нибудь поселковый мальчик? Мало ли зачем пришел. Время-то еще не позднее.

– Как же не позднее – двенадцать. Заводской гудок только-только прозвучал. Какой человек в такую пору по гостям ходит? Либо воришка, либо... Хотя вы правы. Подождем малость. Что, интересно, в доме происходит?

Они прислушались.

– Нет, тишина, – констатировал милиционер. – Как же быть? А вы что присоветуете?

– Мне кажется, нужно пойти на кладбище, посмотреть на могилу...

– А ведь верно! Вот что значит – ученый человек. Пока он у родни ошивается, двинем туда, и все станет ясно. Как же я раньше не допер! Так, вперед, не будем мешкать.

– Я не пойду, – твердо сказал Фужеров.

– Почему?

– Не пойду – и все!

– Эвон как. Струсили, должно...

– Я не испугался, но...

– Ладно, чего уж... Вы лучше мне скажите: какое оружие годится для этой нечисти?

Фужеров задумался.

– Крест животворящий, – наконец запинаясь произнес он.

– Крест? Это с Христом? – Хохлов хмыкнул. – А вот креста на мне и нет. В шестнадцатом году в Галиции выбросил. Насмотрелся на войне страстей и понял для себя: нет никакого бога. Брехня все. А еще какие средства?

– Чеснок.

– Как чеснок?

– Вампиры, как пишут в умных книгах, чеснока боятся.

– Этот завсегда при мне. Из пасти, как из нужника, прет. – И Хохлов выдохнул резко пахнувший воздух прямо в лицо Фужерову. – Я больше вот в какой «чеснок» верую. – Он достал револьвер, с треском крутанул барабан. – Семь «зубчиков» – и все в яблочко.

– На них оружие не действует. Если только пули крестом пометить.

– Опять крестом?! Вздор! Ладно, проверим на практике. А может, все ж таки составите компанию?

– Нет.

– Ну, на «нет» и суда нет. Ждите, спозаранку все доложу. Обязательно приду, так и знайте.

«Если, конечно, дойдешь», – подумал про себя Фужеров.

4

Хохлов забежал к знакомому железнодорожнику, взял у него фонарь и отправился на кладбище.

Дорогу милиционер знал прекрасно. Он миновал Шанхай и вышел в чистое поле. Где-то в отдалении светились тусклые огоньки, потом чуть слышно запиликала гармошка, и Хохлов машинально прикинул: где это веселятся в полночный час? Но размышлять на профессиональные темы не хотелось. Не хотелось и загадывать, как обернется дело.

Местность, по которой он шел, не являлась степью в прямом смысле слова. Скорее это было то, что осталось от степи: местами – будущая строительная площадка, местами – свалка. Скоро и здесь понастроят хибар, закопошатся людишки со своими жалкими горестями и радостями.

Хохлов презирал эту мелкотню, сброд, понабежавший невесть откуда. И для этих людей строится светлое царство социализма? Он плохо в это верил. Разве можно представить всех этих мелочных, жадных, распутных, пьяных гундосов живущими в голубых дворцах из стекла и стали? Вот толкуют: их будут перевоспитывать. Да как такого перевоспитаешь? Он за копейку удавится, да ладно хоть бы сам, и соседа удавит. А ребятня ихняя... Сопля соплей, а те же замашки: мое!.. мое!.. Народишко понимает лишь одну форму воспитания – кулак. Вот с такой педагогикой он считается. Конечно, имеются и другие люди. Не дрожащие за кусок, не крохоборы, не жлобы... Но где они? Комсомольцы эти? Встречаются среди них и неплохие парни, но в целом уж больно правильны. Как бабки на паперти. Ротик поджат, в глазах строгость. Такие все знают наперед. Книгочей!

Хорошо было в Гражданскую: все просто и ясно. Впереди враг, а рядом друг. Прикажут рубить – рубишь, а прикажут стрелять – стреляешь. Ни дома, ни бабы. Кисет с махоркой да шашка – вот и все имущество. А потом захлестнула мелкобуржуазная стихия, как пишут в газетах, нэпманы и прочие кустари без мотора. Прикрыли лавочку, слава товарищу Сталину. Одумались там, наверху. Но все равно, быт заедает. Галоши и этажерки с фикусами застили глаза. Какой уж тут социализм!

Разгорячившись от собственных мыслей, Хохлов незаметно для себя стал энергично размахивать железнодорожным фонарем, словно предписывал кому-то перевести стрелки.

Вокруг размышляющего над мировыми проблемами милиционера кипела ночная жизнь. В бурьяне продолжали потрескивать кузнечики, в какой-то луже поблизости страстно голосили лягушки, тоскливо прокричала пронесшаяся над степью сова, а следом раздался предсмертный писк застигнутой совиными когтями мыши. Неразрывно шагающие рука об руку жизнь и смерть правили бытием.

Наконец Хохлов подошел к кладбищу и на время остановился, вспоминая, куда идти дальше. В мерцающем лунном свете погост мало чем отличался от окружающей степи. Он поднял над головой фонарь желтым стеклом вперед. Блеклый луч высветил несколько могильных холмиков с крестами и звездами.

«И тут все смешалось», – с непонятной злобой подумал милиционер, озираясь по сторонам. Наконец он вспомнил, где могила мальчика, и все так же, как медведь, переваливаясь с боку на бок, затопал громадными сапожищами по глинистой почве. Сумрачный, нереальный свет фонаря, бесформенная фигура с надвинутым на лоб капюшоном привели бы в неопикуемый ужас любого очутившегося здесь в столь нехороший час. Но самому Хохлову страх перед городом мертвых был совершенно не свойствен.

Могила он увидел еще издали и в изумлении остановился, не веря своим глазам. Потом осторожно приблизился. Она была вскрыта, а крышка гроба лежала сверху на земле. Хохлов подошел к краю и заглянул вниз. Гроб стоял на дне, но он был пуст.

– Ничего себе, – вслух произнес милиционер. – Как же это понимать? Неужели старикашка-интеллигент оказался прав, или это просто чья-то дурацкая шутка? Но кто может шутить таким зловещим способом? Или мальчишка оказался жив и каким-то образом самостоятельно выкопался?

Хохлов присмотрелся. Могильная земля сложена в правильную насыпь продолговатой формы. Если бы могилу раскапывали, то вряд ли так аккуратно. Как же понимать происходящее?

Оставалось только ждать. Если действительно верить бабьим сказкам об упырях, мальчишка скоро появится. Хохлов достал из кармана большие серебряные часы. Почти три. Скоро начнет светать, а мертвец должен вернуться в могилу до первых петухов. А если тело просто вырыли и с непонятной целью куда-то уволокли?

Хохлов вновь снял свой плащ, постелил его на землю недалеко от могилы, достал заветную фляжку и сделал внушительный глоток. Да, чеснок, вспомнил он и усмехнулся. Кусок хлеба с пропахшим чесночным духом салом был наготове. Еще один глоток, крепкие прокуренные зубы впились в нежное сало... Вдали послышался шорох. Хохлов отложил бутерброд, извлек «наган» и притаился.

На фоне зарева городских огней возникла тщедушная фигурка, которая двигалась по направлению к Хохлову. Когда она приблизилась, милиционер окликнул:

– Эй, паренек!

Мальчик замер. Так на мгновение замирает волк, если на него падает яркий луч света.

– Не бойся, паренек, иди сюда. Чего это ты по ночам бродишь?

Мальчик продолжал неподвижно стоять на том же месте, где его настиг голос Хохлова.

– Экий ты нынче робкий, – со зловещей лаской в голосе произнес милиционер. – А вот в потемках блукать не боишься. Ну иди ко мне, малютка.

Мальчик не двигался.

– Тогда я сам... – Хохлов подхватил фонарь, до времени прикрытый полой плаща и двинулся вперед. Он приблизился к ребенку и поднял над головой фонарь. Мальчик (а это, несомненно, был Ваня) смотрел на него неподвижным мертвым взглядом, глаза явственно отливали красным. Неожиданно он открыл рот и зашипел.

Хохлов от неожиданности отпрянул.

– Эвон, эвон как! – удивленно произнес он. – Шипишь, как та гадючка. Это ты зря. Докладай лучше, как могло получиться, что ты выбрался на свет божий?

Вместо ответа Ваня бросился на пытливого милиционера, однако Хохлов был готов к нападению. Он отшвырнул фонарь и, схватив мальчика своими могучими руками, поднял перед собой. Мальчик яростно вырывался, и Хохлов поразился тому, насколько он силен. Стало ясно, что справиться с ним непросто. Тогда Хохлов собрался с силами и бросил мальчика в разверстую могилу. Раздался звук упавшего тела, но тотчас, словно подброшенный пружиной, мальчик вновь очутился на ее краю.

– Ах, гад! – закричал Хохлов. – Ну, держись! – Рядом с могилой валялся длинный железный штырь со звездой на конце, служивший памятником усопшему ребенку. Хохлов схватил железяку и, выставив ее перед собой словно алебарду, двинулся на Ваню. Несмотря на столь грозное оружие, тот пошел навстречу. Хохлов сделал выпад, и верхний луч звезды ударил Ваню в плечо. Мальчик вновь зашипел и подался назад.

– Ага! – яростно выкрикнул Хохлов. – Проняло тебя, падлу! То ли еще будет, упырь сраный!

Но Ваня либо вовсе не чувствовал боли, либо не обращал на нее внимания. Он вновь бросился на храброго милиционера. Теперь Хохлов понял, что противник значительно опаснее, чем он предполагал. Он отошел подальше от могилы и приготовился к обороне, выставив перед собой штырь со звездой. Валявшийся на земле фонарь причудливо освещал поле битвы. Все вокруг было залито красным светом. Он был столь ярок, что казалось, светил не один, а целая дюжина фонарей.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Младшая научная должность в некоторых научных учреждениях.

2

П. Н. Миллюков (1859–1943), русский историк и политический деятель. Лидер партии кадетов. Министр иностранных дел во Временном правительстве, 1917 г.

3

Аршин – прежняя, до введения метрической системы, русская мера длины, равная 0,71 м.

4

Ревель – нынешний Таллинн.

5

И Т К – исправительно-трудовая колония.

6

Управление ОГПУ– НКВД г. Ленинграда.

7

Мортус – участник похоронной процессии, несущий гроб, факел или венок.

8

Ридикюль – дамская сумка.

9

ЧОН – части особого назначения. Военно-партийные отряды, в начале двадцатых годов боровшиеся с контрреволюцией и бандитизмом.

10

Торгсин – Всесоюзное объединение по торговле с иностранцами. В 20—30-х годах сеть магазинов закрытого типа, в которых торговали промышленными и продовольственными товарами повышенного спроса, в качестве оплаты принимая у населения валюту, драгоценные металлы, предметы антиквариата. Просуществовали до 1 января 1936 года.

Купить: https://tellnovel.com/ru/ateev_aleksey/psy-vavilona

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)